

Левъ Толстой *).

(Ученіе и Жизнь).

Я не могу перейти къ моей темѣ, не сказавъ двухъ словъ въ ея оправданіе.

Мы начинаемъ сегодня праздники въ честь русской культуры и празднуемъ столѣтнюю годовщину Толстого; а между тѣмъ я вовсе не буду говорить о главномъ вкладѣ Толстого въ область русской культуры, объ его художественной дѣятельности. Дѣлаю такъ потому, что эта дѣятельность общеизвѣстна и совершенно безспорна. Почетное мѣсто Толстого во всемірной литературѣ установлено прочно и на него не посягаетъ никто.

Другая судьба у того, что можно назвать общимъ словомъ «ученіе». Эта дѣятельность менѣе извѣстна и гораздо болѣе спорна. Многіе не только изъ тѣхъ, кто осуждаетъ Толстого, но изъ тѣхъ, кто сейчасъ пытается говорить за него, знаютъ изъ его ученія только отрывки. Не на словахъ, а на дѣлѣ за его ученіемъ почти никто не послѣдовалъ. И однако это ученіе все же міръ потрясло не менѣе, чѣмъ его литературная дѣятельность. Возьмите простой фактъ, который у всѣхъ на виду. Толстой умеръ въ старости, когда новыхъ художественныхъ произведеній отъ него ждать было нельзя; все, что можно, онъ уже далъ. Смерть Толстого ничего не отнимала у литературы, могла бы быть только поводомъ вспомнить добромъ то, что онъ сдѣлалъ въ литературѣ, освѣжить въ памяти его заслуги. А между тѣмъ не только въ Россіи, но за границей, смерть Толстого была воспринята какъ реальная потеря чего-то дорогого и нужнаго. Міръ какъ будто дорожилъ тѣмъ, что Толстой еще гдѣ-то живетъ, думаетъ и иногда «не можетъ молчать». Одного этого факта достаточно, чтобы оправдать мою тему. Къ тому же мы знаемъ, что эту дѣятельность самъ Толстой считалъ своимъ главнымъ призваніемъ. Потому въ день годовщины Тол-

*) Рѣчь, произнесенная 2 іюня 1928 г. на праздникъ Русской Культуры.

стого должно вспомнить и объ этой сторонѣ его дѣятельности, хотя бы она была для насъ менѣе интересна, хотя бы послѣ войны на очередь стало столько острыхъ вопросовъ практической жизни, что покажется страннымъ уходить отъ реального міра въ область тѣхъ отвлеченныхъ проблемъ, которыми зашмался Толстой. И ставя передъ собою задачу напомнить то, что можно назвать «ученіемъ Толстого», я не собираюсь его ни проповѣдывать, ни защищать. Я самъ, какъ вѣроятно почти всѣ въ этомъ залѣ, принадлежу къ ученіямъ міра, которыя Толстой отвергалъ; не мнѣ поэтому его защищать. Моя цѣль только помочь его пониманію, пониманію того, въ чемъ это ученіе заключается, гдѣ его мѣсто, а черезъ это пониманію и того чѣмъ былъ Толстой, какъ міровое явленіе.

Я долженъ сдѣлать еще оговорку. Я говорю «ученіе Толстого»; если бы онъ услышалъ эти слова, онъ съ досадою ихъ бы отвергъ. Толстой не признавалъ себѣ учителемъ; онъ считалъ, что все его дѣло свелось къ возстановленію настоящаго Христа безъ тѣхъ искаженій, которыя вѣка внесли въ его образъ. Есть и другое возраженіе противъ слова «ученіе»: это слово предполагаетъ систему; этой системы не было у Толстого. У него былъ не систематическій умъ; когда онъ отдавался во власть какой либо мысли, она имъ овладѣвала всецѣло, заслоняя все остальное; онъ доводилъ ее до крайнихъ предѣловъ, менѣе всего безпокоясь о томъ, какъ согласовать ее съ тѣмъ, что раньше говорилъ по этому поводу. Оттого въ его писаніяхъ много несогласованности и противорѣчій. Если въ нихъ есть все-таки цѣльность, то только потому, что мысли Толстого исходили отъ личности, исключительно цѣльной, серьезной и честной. Въ ней логическія противорѣчія находили объясненіе и разрѣшеніе. Но когда я сейчасъ берусь за задачу изложить его взгляды въ видѣ системы, я долженъ продѣлать эту работу въ мѣсто Толстого; и у меня нѣтъ вовсе увѣренности, что если бы онъ ее увидалъ, то отъ нея не отрекся бы.

Задача впрочемъ облегчается тѣмъ, что главные элементы ученія Толстого изложены имъ самимъ въ двухъ основныхъ сочиненіяхъ: «Исповѣдь», и «Вѣра», появившихся на разстояніи 10 лѣтъ другъ отъ друга. Въ нихъ содержится вся сущность ученія. Все, что онъ писалъ внѣ этихъ двухъ сочиненій, либо примѣненіе его взгля-

довъ къ отдѣльнымъ вопросамъ, либо полемика, либо разъясненія и повторенія.

И я начинаю съ «Исповѣди», потому что это исходная точка; не усвоивъ ея, невозможно понять ни Толстого, ни его вѣры.

«Исповѣдь», какъ позднѣе и «Вѣра», начинаются съ указанія, что Толстой съ раннихъ лѣтъ потерялъ то, что онъ называетъ «дѣтскою» вѣрой:

«Я прожилъ на свѣтѣ 55 лѣтъ и, за исключеніемъ 14 или 15 дѣтскихъ, 35 лѣтъ я прожилъ нигилистомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. не социалистомъ и революціонеромъ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, а нигилистомъ въ смыслѣ отсутствія всякой вѣры». (Въ чемъ моя Вѣра).

То-же самое онъ раньше сказалъ въ своей «Исповѣди»; онъ добавилъ, что потеря этой дѣтской вѣры совершилась безъ труда и борьбы, какъ бы сама собой. «Дѣтская вѣра» играла слишкомъ ничтожную роль въ его жизни и міровоззрѣніи; нуженъ былъ незамѣтный толчекъ, чтобы она вовсе исчезла. Толстой приводитъ аналогичный примѣръ изъ жизни одного изъ своихъ близкихъ людей:

«Мнѣ рассказывалъ С., умный и правдивый человекъ, какъ онъ пересталъ вѣрить. Лѣтъ 26-ти уже, онъ разъ на ночлегѣ, во время охоты по старой, съ дѣтства принятой привычкѣ, сталъ вечеромъ на молитву. Старшій братъ, бывшій съ нимъ на охотѣ, лежалъ на сѣнѣ и смотрѣлъ на него. Когда С. кончалъ и сталъ ложиться, братъ его сказалъ ему: «А ты все еще дѣлаешь это».

И больше ничего они не сказали другъ другу. И С. пересталъ съ того дня становиться на молитву и ходить въ церковь». (Исповѣдь).

То-же самое, говоритъ онъ, произошло и со мной: «сообщенное мнѣ съ дѣтства вѣроученіе исчезло во мнѣ такъ же, какъ и въ другихъ, съ той только разницей, что такъ какъ я съ 15-ти лѣтъ сталъ читать философскія сочиненія, то мое отреченіе отъ вѣроученія очень рано стало сознательнымъ. Я съ 16-ти лѣтъ пересталъ становиться на молитву и пересталъ по собственному побужденію ходить въ церковь и говѣть». («Исповѣдь»).

Какъ бы то ни было, нужно принять, какъ основной фактъ его психологіи, что этой вѣры въ Толстомъ не осталось, и онъ умеръ, къ ней не вернувшись.

Если вѣрно обычное наблюденіе, что отъ невѣрія переходятъ къ вѣрѣ черезъ страданія, если, говоря недавними словами одного публициста, вѣра является «духовными костылями», то было мало причинъ, которыя Толстого могли бы къ вѣрѣ вернуть. Онъ обычнаго горя и стра-

даній не зналъ; былъ истиннымъ баловнемъ міра, которому и судьба и природа дали все, чего можетъ желать человѣкъ. Природа дала тѣлесную крѣпость, здоровье, которое позволило дожить до старости, дала сильныя страсти, жадность къ жизни, наконецъ, изумительный даръ литературнаго творчества. Судьба отъ нея не отстала; принесла ему богатство, позволила не думать о завтрашнемъ днѣ, не искать занятій не по душѣ и не по вкусу, дала исключительныя связи въ томъ мірѣ, въ которомъ онъ жилъ, при которыхъ для него въ немъ все стало доступно, наградила его не только всероссійской, но всемірною славю и въ довершеніе подарила ему рѣдкое семейное счастье.

Чего онъ могъ еще желать, чтобы жить въ этомъ мірѣ счастливо, окруженнымъ поклоненіемъ и почетомъ, почивая на лаврахъ, вѣдая радости творчества, занимаясь дѣломъ, къ которому его влекло дарованіе, «усовершенствуя плоды любимыхъ думъ», по выраженію Пушкина. Толстой могъ жить счастливо и умереть спокойно въ сознаніи, что ему некому было завидовать и что онъ могъ ни о чемъ не жалѣть; и позднѣйшій поэтъ могъ написать про него то-же, что Баратынскій про Гете:

«Предстала, и старецъ великій смежилъ
«Орлиныя очи въ покоѣ,
«Почилъ безмятежно, зане совершилъ
«Въ предѣлѣхъ земномъ все земное».

Но въ натурѣ Толстого было что то, чего не было у Гете; простое людское счастье его не удовлетворяло вполне. Въ годы наибольшаго развитія духовныхъ и физическихъ силъ онъ сталъ задумываться; жизнь, по его словамъ, стала въ немъ приостанавливаться и потомъ вовсе остановилась. Задумываться онъ сталъ надъ фактомъ, всѣмъ намъ извѣстнымъ, надъ неизбежностью смерти. Какъ человѣкъ невѣрующій, онъ въ смерти видѣлъ полный конецъ. Но если жизнь будетъ кончена, какой смыслъ въ томъ, что онъ имѣлъ и чего добивался, въ богатствѣ и здоровьи и славѣ? Къ чему человѣческое счастье, если оно все равно должно кончиться смертью? Какой смыслъ въ самой жизни, если она не безконечна? Подобно тому, какъ присужденный къ казни въ ожиданіи палача не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ неотвратимой гибели, не находить радости уже ни въ чемъ, что бы ему ни давали

въ послѣдніе часы его жизни, такъ Толстой при мысли о смерти потерялъ всякій интересъ къ нашей кратковременной жизни, пришелъ къ заключенію, что въ ней нѣтъ смысла.

Въ этомъ настроеніи нѣтъ ничего особенно новаго; на эти сомнѣнія есть много отвѣтовъ. Что же такого, если въ жизни нѣтъ смысла? Зачѣмъ нуженъ смыслъ, когда есть инстинктъ жизни? Приговоренный, хотя никакихъ радостей въ жизни не видитъ, все же стремится продлить свою жизнь хотя бы на нѣсколько бесполезныхъ минутъ. Наконецъ, если въ жизни нѣтъ смысла, въ ней есть другія приманки: есть интересъ къ ней, есть ея радости, которыя хочется тѣмъ полнѣе использовать, чѣмъ онѣ недолговѣчнѣе; есть болѣе высокіе мотивы — чувство долга, привязанности. А наконецъ, въ фактъ смерти, въ полномъ уничтоженіи «сознанія», въ переходѣ въ «покой небытія», по слову поэта — нѣтъ ли и глубокаго смысла? Конецъ сознанія не долженъ ли устранить «страхъ» передъ смертью? Почему бояться смерти и даже просто съ нею считаться, если послѣ смерти мы не будемъ знать, что жили когда-то, превратимся въ то-же небытіе, въ которомъ пребывали до рожденія? И Гамлетъ боялся не смерти, а лишь возможности «сновидѣній» послѣ нея. Если не вѣрить въ эту возможность, — что мѣшаетъ пользоваться и наслаждаться жизнью, пока она продолжается?

Но эти разсужденія Толстого не убѣждали. Онъ на нихъ отвѣчаетъ картиннымъ сравненіемъ, на которыя былъ такой мастеръ.

«Давно уже разсказана восточная басня про путника, застигнутого въ степи разъяреннымъ звѣремъ. Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодець, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не погибнуть отъ разъяреннаго звѣря, не смѣя и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожраннымъ дракономъ, ухватывается за вѣтви растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ... Вотъ-вотъ самъ собой обрушится и оборвется кустъ, и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но пока онъ виситъ, онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ». («Исповѣдь»).

Люди, которые сознавая, что скоро умрутъ, могли находить интересъ въ радостяхъ жизни, были подобны пут-

нику, который надъ пропастью утѣшался лизаніемъ меда. Но самъ Толстой этимъ утѣшаться не могъ; не могъ понять, какъ могутъ этимъ утѣшаться другіе. Почему хотятъ люди жить, если наша жизнь кончается смертью, — спрашиваетъ онъ. Онъ находилъ четыре отвѣта: одни потому, что о смерти еще не подумали; это отвѣтъ не знанія; онъ уже не годился Толстому. Другіе подумали, но стремятся возможно полнѣе насладиться благами міра; это отвѣтъ эпикурейцевъ; онъ утѣшаетъ недолго; по мѣрѣ того какъ смерть ближе подходитъ, онъ становится недостаточнымъ. Третьи стараются не думать о смерти, закрываютъ глаза на нее; это отвѣтъ слабости; рекомендовать его себѣ Толстой не могъ. Остается послѣдній отвѣтъ — отвѣтъ силы, добровольный уходъ изъ бессмысленной жизни, нежеланіе продолжать жизнь, когда бессмысленность ея стала ясна; словомъ, — самоубійство. Это единственный достойный человѣка отвѣтъ. Это нужно запомнить; Толстой въ 80-ые годы, написавшій уже и «Войну и Миръ» и «Анну Каренину», Толстой, окруженный и почетомъ и славой, былъ наканунѣ самоубійства; какъ онъ самъ говоритъ, онъ пряталъ шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ въ знаменитой библіотекѣ Ясной Поляны и пересталъ ходить на охоту, чтобы не соблазниться легкой возможностью покончить съ собой.

Здѣсь ключъ ко всему; если не представить себѣ этого душевнаго состоянія, не пережить хотя бы вчужѣ подобнаго настроенія, невозможно будетъ понять и дальнѣйшаго. Настроеніе «Исповѣди» лежитъ въ основѣ всего ученія. Нужно ясно это усвоить: несмотря на свои успѣхи и радости Толстой въ это время могъ покончить самоубійствомъ, могъ задать міру загадку: почему онъ себя убилъ? Миръ сталъ бы искать въ жизни Толстого какого либо остраго преходящаго горя; ничего этого не было; Толстой погибалъ отъ бессмыслицы собственнаго счастья. Сталъ бы искать другихъ причинъ самоубійства, предполагать жажду острыхъ ощущений, нежеланіе подчиниться общему правилу, горделивую рѣшимость уйти изъ міра по собственной волѣ, въ самимъ выбранной формѣ, а не по усмотрѣнію микробовъ болѣзни. Словомъ, миръ сталъ бы искать тѣхъ различныхъ и всѣмъ доступныхъ соблазновъ, на которые намекнулъ любимый Толстымъ поэтъ Тютчевъ въ словахъ:

«И кто въ избыткѣ ощущений,
 «Когда кипить и стынетъ кровь,
 «Не вѣдалъ вашихъ искушеній;
 «Самоубійство и любовь?»..

Или, наконецъ, міръ успокоился бы на томъ объясненіи, которымъ онъ прикрываетъ незнаніе, и рѣшилъ бы, что Толстой душевно-больной. Все это было бы глубокой неправдой; причины самоубійства Толстого были бы иного порядка; намъ онѣ чужды, но мы должны заставить себя ихъ понять, если хотимъ разобраться въ драмѣ Толстого.

Толстой себя не убилъ. Въ немъ была слишкомъ сильна жажда жизни. Онъ сталъ бороться со своимъ настроеніемъ, сталъ искать помощи у другихъ, у кого всего естественнѣе ее было найти. Онъ обращался къ наукѣ, къ всемогущимъ опытнымъ знаніямъ; но наука не только не давала отвѣта, она не понимала вопроса. Наука говорила о томъ, какъ все живетъ и развивается, но не интересовалась вопросомъ зачѣмъ. Толстой обращался къ философін, къ умозрѣнію всѣхъ временъ и народовъ; тутъ была картина обратная; умозрѣніе ставило этотъ вопросъ, но выводъ, къ которому оно приходило, въ лицѣ самыхъ разнообразныхъ своихъ представителей, которыхъ Толстой соединилъ въ причудливый букетъ—Сократъ, Соломонъ, Будда и Шопенгауэръ, подтверждало основной выводъ Толстого: въ жизни человѣка нѣтъ смысла, вся она одна суета. Толстой наконецъ обратился къ религіи, и она на это давала отвѣтъ, всякая религія, всѣ вѣроученія. Но она давала отвѣтъ, котораго Толстой принять не могъ. Въ этомъ отвѣтѣ былъ ложный кругъ, ибо религія отвѣчала не на тотъ вопросъ, который ставилъ Толстой. Для Толстого бессмыслица жизни была именно въ томъ, что жизнь кончалась смертью, что не было ни одного счастья, которое не уничтожалось бы смертью; это исходный пунктъ его мукъ. А религія отрицала самый фактъ конечности жизни, вѣрила въ загробную, т. е. въ безконечную жизнь. Утверждая это религія упраздняла Толстовскій вопросъ; если стоять на почвѣ религіи, его не зачѣмъ ставить; безконечная жизнь, хотя бы и видоизмѣненная смертью, не представляется уже бессмыслицей. Толстой искалъ смысла для той жизни, которая кончается смертью; смысла

такой жизни не могла указать и религія. Если бы Толстой могъ принять исходную точку религіи, самого вопроса не возникало бы. Потому поставивъ вопросъ о смыслѣ жизни конечной, онъ не могъ принять отвѣта, который давала религія.

Въ этомъ лежитъ вся драма Толстого; натура раг ессенсе религіозная, Толстой ставилъ себѣ тотъ вопросъ о смыслѣ жизни, который лежитъ въ основѣ всѣхъ религіозныхъ ученій; но отвѣта на этотъ вопросъ онъ требовалъ отъ невѣрія. Онъ и далъ его въ томъ сочиненіи, которое написалъ спустя 10 лѣтъ и которое носить названіе «Въ чемъ моя Вѣра».

Прежде чѣмъ перейти къ этой книгѣ, въ которой заключается сущность «ученія», я долженъ остановиться на томъ неполномъ отвѣтѣ, который первоначально далъ Толстой въ самой «Исповѣди». На немъ Толстой не удержался и не могъ удержаться; этотъ отвѣтъ—компромиссъ, переходный этапъ, подготовка тѣхъ выводовъ, къ которымъ Толстой пришелъ послѣ; онъ интересенъ какъ переходъ.

Не удовлетворившись тѣмъ, что онъ услышалъ отъ наукъ или религій, Толстой не могъ помириться съ тѣмъ, что отвѣта нѣтъ вовсе; не могу я признать, думалъ онъ, что я, а вмѣстѣ со мной и Шопенгауэръ и Будда и другіе умнѣе всѣхъ остальныхъ; вѣдь миллионы людей жили и живутъ не терзаясь, не унывая, не кончая самоубійствомъ. Въ чемъ же тутъ дѣло? Очевидно, заключаетъ Толстой, я искалъ отвѣта не тамъ, гдѣ его могутъ дать; его надо искать не у ученыхъ, не у разумныхъ, а у этихъ простыхъ людей, для которыхъ не существуетъ вовсе этихъ сомнѣній.

«...И я сталъ сблизаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ простыхъ, неученыхъ людей, странниками, монахами, раскольниками, мужиками». («Исповѣдь»).

Посвятивши себя изученію жизни и мыслей этихъ людей, Толстой открылъ новый міръ непохожій на тотъ, въ которомъ онъ до сихъ поръ жилъ. Рѣзкими чертами онъ характеризуетъ его:

«Въ противоположность тому, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ возможна жизнь безъ вѣры и гдѣ изъ 1000 едва ли одинъ признаетъ себя вѣрующимъ, въ ихъ средѣ едва ли одинъ невѣрующій на тысячи. Въ противоположность тому, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ вся жизнь проходитъ въ праздности, потѣхахъ и недовольствѣ

жизнью, я видѣлъ, что вся жизнь этихъ людей проходила въ тяжеломъ трудѣ и они были довольны жизнью. Въ противоположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на нашу судьбу за лишенія и страданія, эти люди принимали болѣзни и горести безъ всякаго недоразумѣнія, противленія, съ покойною и твердою увѣренностью въ томъ, что все это — добро. Въ противоположность тому, что чѣмъ мы умнѣе, тѣмъ менѣе понимаемъ смыслъ жизни и видимъ какую-то злую насмѣшку въ томъ, что мы страдаемъ и умираемъ, эти люди живутъ, страдаютъ и приближаются къ смерти, и страдаютъ съ спокойствіемъ, чаще же всего съ радостью. Въ противоположность тому, что спокойная смерть, смерть безъ ужаса и отчаянія, есть самое рѣдкое исключеніе въ нашемъ кругу, — смерть неспокойная, непокорная и нерадостная есть самое рѣдкое исключеніе среди народа». («Исповѣдь»).

Увидавъ эту разницу, Толстой со свойственнымъ ему увлеченіемъ, хотя безъ достаточной логической связи, приходитъ къ выводу, что разгадка именно въ этомъ:

«Я заблудился не столько оттого, что неправильно мыслить, сколько оттого, что я *живу* дурно... я спросилъ себя, что такое моя жизнь, и получилъ отвѣтъ: зло и бессмыслица. И точно, моя жизнь — жизнь потворства, похоти — была бессмысленна и зла, и потому отвѣтъ: «жизнь зла и бессмысленна», относился только къ моей жизни, а не къ жизни людской вообще». («Исповѣдь»).

Вотъ тотъ отвѣтъ, который онъ даетъ въ своей «Исповѣди». Толстой не разрываетъ съ міромъ, какъ онъ разорвалъ съ нимъ позднѣе; онъ только расходится со с в о и м ъ прежнимъ кругомъ, сближается съ другими слоями народа, старается подражать ихъ жизни и черезъ это усвоить ихъ міровоззрѣніе. И онъ дѣлаетъ это въ двухъ направленіяхъ.

Во-первыхъ, Толстой старается поставить себя въ тѣ условія жизни, въ которыхъ живутъ народныя массы; отсюда идетъ полоса «прощенія». Толстой пашетъ землю въ деревнѣ, въ городѣ шьетъ сапоги, старается жить своимъ трудомъ; онъ мѣняетъ костюмъ, надѣваетъ рубашку, въ его домѣ появляются тѣ незнакомцы, которые въ его гостиной получили названіе «темныхъ». Отъ этой полосы Толстовскаго настроенія пошли толстовскія колоніи, ученіе о четырехъ упряжкахъ и все, въ чемъ многіе въ простотѣ душевной видѣли самую сущность толстовства.

Во-вторыхъ, и это гораздо важнѣе, Толстой пытается вернуться къ церковному міровоззрѣнію; онъ, который давно разорвалъ всякія сношенія съ церковью, начинаетъ

ходить къ церковной службѣ, исполнять обряды, словомъ возвращается къ вѣрѣ. Родные и близкіе одни съ удивленіемъ, другіе съ радостью отмѣчали это возвращеніе къ религіозности.

Такъ Толстой рѣшилъ эту задачу; это спасло его отъ самоубійства и на извѣстное время его успокоило; но это рѣшеніе заключало въ себѣ противорѣчіе, которое должно было раскрыться.

Опущеніе Толстого было искусственно. Міръ трудился потому, что иначе онъ не могъ жить. Толстой заставлялъ себя трудиться, потому что въ э т о м ъ думалъ найти себѣ счастье. Міръ не отвергалъ земныхъ благъ, стремился къ нимъ и жалѣлъ о томъ, что ихъ не имѣеть. У Толстого они уже были, но онъ ихъ не хотѣлъ, отъ нихъ отвернулся. Сходство его жизни съ мірской было поверхностно.

Еще больше разница во внутреннемъ отношеніи къ жизни. То, что давало простому міру спокойствіе — была его «дѣтская вѣра» въ Бога, въ безсмертіе и загробную жизнь. Этой вѣры Толстой себѣ не вернулъ. Онъ исполнялъ обряды только чтобы быть в м ѣ с т ѣ съ міромъ, переживать общія съ нимъ ощущенія, стоять на той же почвѣ, что міръ! Сходство осталось на внѣшности; а въ существѣ между нимъ и міромъ была непроходимая пропасть. Толстой указалъ на нее въ своей «Исповѣди»:

«Исполняя обряды церкви, я смирялъ свой разумъ и подчинялъ себя тому преданію, которое имѣло все человѣчество. Я соединялся съ предками моиими, съ любимыми мною отцомъ, матерью, дѣдами, бабушками. Они и всѣ прежніе вѣрили и жили, и меня произвели. Я соединялся и со всѣми милліонами уважаемыхъ мною людей изъ народа. Кромѣ того, самыя дѣйствія эти не имѣли в ъ себѣ ничего дурного (дурнымъ я считалъ потворство похотямъ)». («Исповѣдь»).

Могло ли такое отношеніе уподобиться вѣрѣ? Толстой самъ чувствовалъ, что здѣсь что-то не ладно.

«Мнѣ такъ необходимо было тогда вѣрить, чтобы жить, что я бессознательно скрывалъ отъ себя противорѣчія и неясности вѣроученія. Но это осмысливаніе обрядовъ имѣло предѣлъ... почти двѣ трети всѣхъ службъ, — или вовсе не имѣли объясненія, или я чувствовалъ, что я, подводя имъ объясненія, лгу и тѣмъ совсѣмъ разрушаю свое отношеніе къ Богу, теряю совершенно всякую возможность вѣры»...

«Сильнѣе всего это происходило со мною при участіи въ самыхъ обычныхъ таинствахъ, считавшихся самыми важными: крещеніи и

причастіи. Тутъ не только я сталкивался съ не то что непонятными, но, вполнѣ понятными дѣйствіями, и я былъ поставляемъ въ дилемму — или глотать или отбросить.

«Никогда не забуду мучительнаго чувства, испытаннаго мною въ тотъ день, когда я причащался въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Службы, исповѣдь, правила — все это было мнѣ понятно и производило во мнѣ радостное сознаніе того, что смыслъ жизни открывается мнѣ... Но когда я подошелъ къ царскимъ дверямъ и священникъ заставилъ меня повторить то, что я вѣрю, что, то, что я буду глотать, есть истинное тѣло и кровь, меня рѣзнуло по сердцу, это мало что фальшивая нота, — это — жестокое требованіе кого-то такого, котораго, очевидно, никогда и не зналъ, что такое вѣра...» («Исповѣдь»).

Какой выводъ изъ этого противорѣчія? Толстой объясняетъ это:

«Я ужъ не былъ въ томъ положеніи, въ какомъ я былъ въ молодости, думая, что въ жизни все ясно; я вѣдь пришелъ къ вѣрѣ потому, что, помимо вѣры, я ничего, навѣрное ничего, не нашелъ, кромѣ гибели, поэтому откидывать эту вѣру нельзя было, и я покорился. И я нашелъ въ своей душѣ чувство, которое помогло мнѣ перенести это. Это было чувство самоуниженія и смиренія.» («Исповѣдь»).

Такое настроеніе было столь-же мало церковно-религиознымъ, какъ его жизнь — жизнью трудящагося. Толстой разорвалъ со своимъ кругомъ, но съ міромъ не сблизился. Въ этой стадіи его жизнь заключала противорѣчіе; другія натуры могутъ жить не смущаясь противорѣчіемъ и находить въ немъ своеобразную прелесть. Толстой для этого былъ натурой слишкомъ цѣльной и честной; онъ не могъ не чувствовать противорѣчія и долженъ былъ изъ него выходъ найти. Выходъ могъ быть въ двухъ направленіяхъ.

Или Толстой могъ помириться съ тѣмъ, что жизнь кончается смертью, что смысла въ ней нѣтъ и, несмотря на это, продолжать все-таки жить, беря отъ жизни все, что она могла дать: онъ сталъ бы тогда великимъ язычникомъ, эпикурійцемъ въ родѣ Петронія или мудрецомъ въ духѣ Марка Аврелія.

Или старанія Толстого возбудить въ себѣ дѣтскую вѣру, сблизиться съ міромъ могли привести его къ усвоенію мірской вѣры. Онъ могъ принять то, что до тѣхъ поръ отвергалъ; могъ повѣрить въ безсмертіе, въ загробную жизнь; тогда онъ дѣйствительно сошелся бы съ Церковью. У него были съ ней свои счеты, на которые онъ указывалъ въ «Исповѣди»; онъ осуждалъ ея нетерпимость, склон-

ность ея представителей вести жизнь богатаго круга, покорное молчаніе передъ тѣмъ, въ чемъ были преступленія государственной власти, передъ военнымъ насиліемъ, смертной казнью и т. п.; Толстой могъ съ этимъ бороться, оставаясь на почвѣ Вѣры и Церкви; онъ сталъ бы тогда реформаторомъ, сектантомъ или учителемъ Церкви, но все-таки человѣкомъ церковнаго міровоззрѣнія. Оригинальность Толстого въ томъ, что онъ не сдѣлалъ ни того ни другого, а нашелъ третій выходъ. Онъ изложилъ его въ своей «Вѣрѣ».

«Вѣра», точнѣе «Въ чемъ моя Вѣра», появилась въ срединѣ 80-хъ годовъ; если «Исповѣдь» исходный пунктъ міровоззрѣнія Толстого, то «Вѣра» его завершеніе. Въ этомъ сочиненіи его міровоззрѣніе сложилось уже окончательно. Дальше идти было некуда; все, что онъ послѣ писалъ, только частичное развитіе «Вѣры», приложение общихъ принциповъ къ конкретнымъ вопросамъ.

«Вѣра» явилась плодомъ усиленныхъ занятій Толстого надъ Св. Писаніемъ и ученіемъ Церкви; эти работы его надъ богословской литературой были въ свою очередь послѣдствіемъ его попытки подойти ближе къ Церкви. Но выводы, къ которымъ эти занятія его привели, явились результатомъ того внезапнаго вдохновенія, которое по старинной терминологіи называли откровеніемъ; Толстой самъ рассказалъ намъ объ этомъ:

«...а это было мгновенное устраненіе всего того, что скрывало самый смыслъ ученія, и мгновенное озареніе свѣтомъ истины. Это было событіе, подобное тому, которое бы случилось съ человѣкомъ, тщетно отыскивающимъ по ложному рисунку значеніе кучи мелкихъ перемѣшанныхъ кусковъ мрамора, когда бы вдругъ по одному наибольшему куску онъ догадался, что это совсѣмъ другая статуя». («Въ чемъ моя Вѣра?»).

Что же перевернуло его пониманіе? Это было, какъ онъ самъ призналъ, внимательное чтеніе Евангелія, Нагорной проповѣди:

«Мѣсто, которое было для меня ключомъ всего, было мѣсто изъ V гл. Мѣ. ст. 39: «Вамъ сказано: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злему». Я вдругъ въ первый разъ понялъ этотъ стихъ прямо и просто. Я понялъ, что Христосъ говоритъ то самое, что говорить. И тотчасъ — не то что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина возстала передо мной во всемъ ея значеніи. «Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за

зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злему». Слова эти показались мѣѣ вдругъ совершенно новыми, какъ будто я никогда не читалъ ихъ прежде». («Въ чемъ моя Вѣра?»).

Здѣсь лежитъ ключъ къ пониманію Толстовскаго построенія. Важна не самая мысль «не противьтесь злему»; принципъ «непротивленія» важенъ какъ оселокъ для пониманія Христова ученія; онъ доводитъ это ученіе до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, практической обнаженности, при которыхъ не остается мѣста неполному пониманію. Именно этотъ принципъ открываетъ истинный смыслъ заповѣди и о раздачѣ имѣнія нищимъ, и о подставленіи щеки обидчику и т. п. Толстой говоритъ:

«Положеніе о непротивленіи злему есть положеніе, связующее все ученіе въ одно цѣлое, но только тогда, когда оно не есть изреченіе, а есть правило, обязательное для исполненія, когда оно есть законъ.

«Оно есть точно ключъ, отпирающій все, но только тогда, когда ключъ этотъ просунуть до замка. Признаніе этого положенія за изреченіе, невозможное къ исполненію безъ сверхъестественной помощи, есть уничтоженіе всего ученія. Какимъ же, какъ не невозможнымъ, можетъ представляться людямъ то ученіе, изъ котораго вынута основная, связующая все положеніе». («Въ чемъ моя Вѣра?»).

Еще важнѣе другое; вся Нагорная проповѣдь, включая въ нее «непротивленіе», воспринята Толстымъ не какъ идеаль, на этой землѣ недостижимый, а какъ разумное, практическое осуществимое здѣсь на землѣ правило поведенія. Оригинальность Толстого въ томъ, что слова Христа онъ понялъ буквально, и понялъ не какъ предписаніе Бога, которое нужно безпрекословно принимать къ исполненію, а какъ человѣческой совѣтъ, который можно и объяснить и оправдать разумомъ, подчиненіе которому должно привести къ благополучію и счастью здѣсь на землѣ.

Ученіе Толстого о непротивленіи общеизвѣстно. О немъ знаютъ даже въ гостиняхъ. То, что меньше извѣстно, а между тѣмъ необходимо для его пониманія — это связь между «Исповѣдью» и «Вѣрой», между основнымъ вопросомъ жизни, который поставленъ въ «Исповѣди» и отвѣтомъ на него, который Толстой далъ въ своей «Вѣрѣ». Вѣдь если ученіе Христа должно дать людямъ счастье здѣсь на землѣ, нужно это умѣть показать и доказать. Доказательство этого является метафизической основой его

ученія, главной его оригинальностью; оно изложено въ «Вѣрѣ», а позднѣе съ большей подробностью въ специальномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ «О Жизни».

Въ чемъ бессмыслица жизни, съ которой боролся Толстой? Она въ неизбѣжности смерти, т. е. въ уничтоженіи личности жизни; пока живетъ человѣкъ, онъ противопоставляетъ свою личную жизнь жизни другихъ; а когда приходитъ пора умереть, исчезаетъ только его личная жизнь, жизнь же другихъ остается. Это исчезновение того, чѣмъ и для чего жилъ человѣкъ, дѣлаетъ всю его жизнь лишенною смысла, какой-то ненужной и преходящей случайностью. Таковъ исходный пунктъ Толстого, содержаніе «Исповѣди». Эту бессмыслицу устранила религія тѣмъ, что превратила нашу личную жизнь въ безконечную, обѣщавъ намъ продолженіе жизни за гробомъ; по ученію религіи — смерть не конецъ всякой жизни; уничтожается только тѣло, душа продолжаетъ существовать, а въ душѣ, т. е. въ сознаніи лежитъ сущность человѣческой жизни. Роковое противорѣчіе между земной личной жизнью и смертью исчезаетъ при такомъ пониманіи, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и бессмыслица жизни. Этого церковнаго объясненія Толстой не могъ себя заставить принять; но, изучая текстъ Евангелія, онъ пришелъ къ неожиданному для себя заключенію, что и Христосъ этого не говорилъ. Толстой нашель, что всѣ тѣ мѣста, на которыхъ построено это ученіе Церкви, либо ошибочная интерпретація словъ Евангелія, либо позднѣйшія въ него вставки; ни безсмертію души, ни воскресенію послѣ смерти самъ Христосъ не училъ. Но зато Христосъ говорилъ людямъ другое; онъ уничтожалъ бессмыслицу, происходящую отъ конечности нашей жизни въ другомъ направленіи; училъ противопоставлять не личную конечную жизнь своей же личной безсмертной, а свою личную жизнь жизни общей. Смерть убиваетъ только личную жизнь; общая жизнь остается. Если человѣкъ хочетъ получить смыслъ въ своей жизни онъ долженъ уничтожить это противопоставленіе между собой и другими, долженъ перестать противопоставлять себя и свою личную жизнь жизни общей; онъ долженъ жить не собой, не для себя, а жить для другихъ, жить другими такъ, какъ мать живетъ не для себя, а для ребенка; онъ долженъ устранить изъ жизни все, что питаетъ противопоставленіе между собой и другими. Когда наша личная жизнь дѣйствительно

превратится для насъ въ общую жизнь, исчезнетъ и бессмыслица смерти, появится такой смыслъ жизни, который никакой смертью не уничтожится. Ученіе Христа о любви къ людямъ, отрицающее и собственность и сопротивленіе злу, указываетъ, какъими путями можно превращать нашу личную жизнь въ общую жизнь, какъ уничтожить зло смерти, вернуть земной жизни тотъ ея смыслъ, который уже не будетъ больше зависѣть отъ смерти.

Вотъ что Толстой нашель въ ученіи Христа:

«Все ученіе Христа въ томъ, чтобы ученики Его, цонявъ призрачность личной жизни, отрелись отъ нея и переносили ее въ жизнь всего человечества, въ жизнь сына человеческого. Ученіе же о бессмертности личной души не только не призываетъ къ отреченію отъ своей личной жизни, но навѣки закрѣпляетъ эту личность». («Въ чемъ моя Вѣра?»).

Ученіе Христа даетъ максимумъ блага въ жизни земной.

«Христось, любя людей, учитъ ихъ воздержанію отъ обезпеченія себя насиліемъ и отъ собственности такъ же, какъ любя людей, учитъ ихъ воздержанію отъ драки и пьянства. Онъ говоритъ, что живя безъ опоры другимъ и безъ собственности, люди будутъ счастливѣе, и своимъ примѣромъ жизни подтверждаетъ это. Онъ говоритъ, что человѣкъ, живущій по Его ученію, долженъ быть готовъ умереть во всякую минуту отъ насилія другого, отъ холода и голода, и не можетъ разсчитывать ни на одинъ часъ своей жизни»...

«Больше ли у меня неприятностей, равьше ли я умру, исполняя ученіе Христа, мнѣ не страшно. Это можетъ быть страшно тому, кто не видитъ, какъ бессмысленна и погибельна его личная одинокая жизнь, и кто думаетъ, что онъ не умретъ. Но я знаю, что жизнь моя для личнаго одинокаго счастья есть величайшая глупость и что послѣ этой глупой жизни я непременно только глупо умру. И потому мнѣ совѣсьмъ не можетъ быть страшно. Я умру такъ же, какъ и всѣ, такъ же, какъ и неисполняющіе ученія; но жизнь моя и смерть будутъ имѣть смыслъ и для меня и для всѣхъ. Моя жизнь и смерть будутъ служить спасенію и жизни всѣхъ, — а этому-то и училъ Христось». («Въ чемъ моя Вѣра?»).

Таково въ краткихъ чертахъ метафизическое построеніе Толстого, которое позволило ему сочетать невѣріе въ Бога, въ бессмертіе души и въ загробную жизнь съ принятіемъ ученія Христа, какъ учителя жизни. Въ этомъ пунктѣ заблуждаться не нужно. Толстой часто употребляетъ обычную терминологию; говорить о религии, о Богѣ, даже объ Отцѣ жизни, о бессмертіи и т. п. Но смыслъ,

который онъ вкладываетъ въ эти слова — соответству-
етъ его метафизикѣ, исключаетъ признаніе Христа —
Богомъ; если бы я считалъ Христа не человѣкомъ, а Бо-
гомъ, говорилъ не разъ Толстой, Христось потерялъ бы
для меня все свое обаяніе.

Это ученіе дало Толстому успокоеніе, побѣду надъ
смертью; ему онъ остался вѣренъ до конца жизни; но
этимъ ученіемъ онъ совершенно разорвалъ не только съ
церковью, но и со всѣмъ міромъ.

Во-первыхъ, онъ разошелся съ Церковью; раньше, въ
«Исповѣди», онъ признавалъ, что церковная дѣтская вѣ-
ра даетъ смыслъ человѣческой жизни и только жалѣлъ,
что не можетъ ее въ себѣ воскресить. Теперь онъ пере-
шелъ въ нападеніе; онъ сталъ обвинять церковное ученіе
въ томъ, что оно скрыло отъ людей тотъ очевидный
смыслъ жизни, который былъ имъ указанъ Христомъ, что
оно своимъ церковнымъ обманомъ исказило Христа:

«Ужасно сказать: не будь вовсе ученіе Христа соединено съ цер-
ковнымъ ученіемъ, выросшимъ на немъ, то тѣ, которые теперь назы-
ваются христіанами, были бы гораздо ближе къ ученію Христа. т. е.
къ разумному ученію о благѣ жизни, чѣмъ они теперь».

Прежде Толстой заставлялъ себя исполнять церковные
обряды, хотя въ нихъ не вѣрилъ; онъ видѣлъ въ нихъ об-
щепринятый способъ возбуждать въ человѣческой душѣ
хорошія чувства и помогать сливаться съ народомъ. Те-
перь тѣ-же обряды показались Толстому орудіемъ лжи и
обмана, ухищреніемъ, направленнымъ къ тому, чтобы
скрыть отъ людей то, что Христось имъ открылъ, прие-
момъ, которымъ Церковь старается спасти отъ ученія Хри-
ста существующій въ мірѣ старыя языческій
строй.

Прежде, при причащеніи, въ которое Толстой боль-
ше не вѣрилъ, онъ чувствовалъ въ себѣ фальшь, стыдил-
ся ея и только утѣшалъ себя тѣмъ, что, принуждая себя къ
причащенію онъ борется съ собственной гордостью. Такъ
говорилъ онъ о причащеніи въ «Исповѣди»; теперь къ тому
же причащенію онъ сталъ относиться съ такимъ озлобле-
ніемъ, что въ своемъ «Воскресеніи» описалъ сцену прича-
стія такъ, что оскорбилъ чувства не только искренно вѣ-
рующихъ.

Отношеніе Толстого къ Церкви перемѣнилось; онъ
сталъ обвинять ее въ томъ, что она отняла настоящаго

Христа у людей, искажила учение, которое должно было миръ переродить и открыть людямъ счастье на этой землѣ. вмѣсто того, чтобы бороться съ миромъ во имя Христа, Церковь подчинилась этому миру, освятила авторитетомъ Христа злодѣянія мира. «Вышло, говорить Толстой, что людская жизнь пошла независимо отъ учения церкви, и церковь за это получила возмездіе. Государство авторитетъ церкви использовало, а затѣмъ окрѣпши, устранило самую церковь, какъ учрежденіе никому болѣе не нужное и построило жизнь исключительно на усмотрѣніи и велѣніяхъ государственной власти».

Если Толстой осудилъ Церковь и ея учение, то и Церковь на Толстого напала. Она стала, во-первыхъ, доказывать, что не она, а Толстой искажилъ Евангеліе, передѣлалъ Христа на свой ладъ, исключилъ изъ Евангелія то, что ему въ немъ не понравилось; ученые, богословы, специалисты открывали ошибки въ утвержденіяхъ и выводахъ Толстого, упрекали его въ недостаточномъ знакомствѣ съ литературой предмета, въ диллетантизмѣ. Во всемъ этомъ вѣроятно была доля правды.

Но люди церковнаго настроенія имѣли еще гораздо болѣе благодарную почву въ нападеніи на Толстовскую метафизику, на то его построеніе, которымъ онъ хотѣлъ замѣнить учение Церкви. Вѣчный споръ вѣры съ невѣріемъ, споръ, элементы котораго мы находимъ уже въ «Карамазовыхъ», съ большой глубиной и ясностью, хотя въ совершенно популярномъ, даже салонномъ изложеніи можно найти въ блестящемъ этюдѣ Владиміра Соловьева — «Три разговора». Соловьевъ въ немъ сумѣлъ изложить всю сущность этого спора. Въ свѣтской гостинной встрѣтились толстовецъ — князь, представитель «дѣтской» вѣры — генералъ, типичный образчикъ позитивнаго учения мира — политикъ, бывший посланникъ и, наконецъ, церковникъ, г. Z. Последнія три лица глубоко между собой различные, каждый со своей точки зрѣнія, но всѣ одинаково напали на злополучнаго толстовца, на князя. Церковная точка зрѣнія, т. е. невозможность принять Христово учение, если Христосъ человекъ, а не Богъ, изложена г-мъ Z:

«г. Z. Безъ вѣры въ совершившееся воскресеніе **Одного** и безъ чаянія будущаго воскресенія **всѣхъ** можно только на словахъ говорить о какомъ-то Царствіи Божіемъ, а на дѣлѣ и выходитъ одно царство смерти».

Та-же самая мысль болѣе грубо, юмористическимъ языкомъ повторяется и «политикомъ»; «Вы утверждаете, говоритъ онъ князю, что смерть все уничтожаетъ и буд-то тѣмъ не менѣе Вы на землѣ должны собой жертвовать, исполняя чье-то велѣніе». И онъ заключаетъ:

«Ну, я службы безъ жалованья не понимаю, и если оказывается, что жалованье всѣмъ одно — смерть, je vous présente mes compliments».

Наконецъ, генераль даетъ такую общую оцѣнку учению князя:

«Въ давнія времена христіанство кому было непонятно, кому ненавистно; но сдѣлать его отвратительнымъ и смертельно-скучнымъ — это лишь теперь удалось».

Генеральская оцѣнка вполне совпадаетъ съ тѣмъ, что объ этомъ учении думалъ и самъ Соловьевъ. Въ предисловіи онъ приравниваетъ Толстого къ сектѣ «дыромоляевъ»; обвиняетъ его въ томъ, что онъ отнялъ у христіанства весь его смыслъ, все его обаяніе:

«Христіанство безъ Христа и Евангеліе, то-есть благая вѣсть, безъ того блага, о которомъ стоило бы возвѣщать, именно безъ дѣйствительнаго воскресенія въ полноту блаженной жизни, — есть такое же пустое мѣсто, какъ и обыкновенная дыра, просверленная въ крестьянской избѣ».

Такъ въ беллетристической формѣ затронуть капитальный вопросъ, который лежитъ въ основѣ трагедіи всей дальнѣйшей жизни Толстого, вопросъ — возможно ли такое ученіе, какъ Христово, т. е. проповѣдь не справедливости, не «любви къ ближнему, какъ къ себѣ», не равнаго ко всѣмъ отношенія, а проповѣдь уничтоженія собственной личности, систематическаго пожертвованія собой для другихъ, возможно ли такое ученіе принять не какъ велѣніе Бога, а какъ разумное устройство человѣческой жизни?

Но Толстой своимъ ученіемъ разошелся не только съ Церковью; еще больше разошелся онъ съ міромъ, разошелся такъ глубоко, что онъ и міръ не сразу замѣтили всю глубину ихъ разрыва.

Міръ построилъ свою жизнь на другихъ основаніяхъ; онъ мірскими благами не пренебрегалъ, земной жизнью не тяготился. Онъ къ этимъ благамъ стремился и потому совѣтъ «не сопротивляться» тому, кто эти блага у него от-

нимаешь, казался ему простымъ парадоксомъ. Для защиты мірскихъ благъ и цѣнностей было создано само государство; мы, люди міра, не мыслимъ челоуѣка внѣ общезжитія, общезжитія внѣ государства, а государства безъ права насилія. Все оправданіе государства, его *raison d'être* въ этомъ правѣ насилія, направленномъ къ благу людей; лишить государство этого права было равносильно добровольному подчиненію злу. Понять подобное требованіе міръ просто не могъ и къ такой проповѣди отнесся съ насмѣшкой.

Это пренебрежительное отношеніе міра къ выстраданному Толстымъ ученію непротивленія характерно выразилось въ томъ же сочиненіи Соловьева; князь-толстовецъ изображенъ тамъ челоуѣкомъ убогимъ, который говоритъ однѣ пошлости; его ученіе побѣдоносно уничтожается шуткой Алексѣя Толстого о Деларю:

«Вонзилъ кишжалъ убійца-нечестивый
 «Въ грудь Деларю
 «Тотъ, шляпу снявъ, сказалъ ему учтиво:
 «Благодарю и т. п.»

Но сочиненіе Соловьева интересно съ другой стороны; Соловьевъ вышутилъ толстовца потому, что хотѣлъ его вышутить; но самъ того не замѣчая и во всякомъ случаѣ того не желая, онъ вышутилъ и то легкомысліе, съ которымъ міръ отнесся къ Толстому; это характерно выразилось въ слѣдующемъ діалогѣ:

Князь. — «Ну, это ужъ совсѣмъ что-то непонятное... А, впрочемъ, догадываюсь: вы разумѣете тотъ знаменитый случай, когда въ пустынномъ мѣстѣ какой-нибудь отецъ видитъ разъяреннаго мерзавца, который бросается на его невинную (для большаго эффекта прибавляютъ еще малолѣтнюю) дочь, чтобы совершить надъ нею гнусное злодѣяніе, и вотъ несчастный отецъ, не имѣя возможности иначе защитить ее, убиваетъ обидчика. Тысячу разъ слыхалъ этотъ аргументъ».

Г. — «Замѣчательно, однако, не то, что вы тысячу разъ его слыхали, а то, что никто ни одного разу не слыхалъ отъ вашихъ единомышленниковъ дѣльнаго или хоть сколько-нибудь благовиднаго возраженія на этотъ простой аргументъ».

Это справедливо и мѣтко. И на этотъ аргументъ, неотразимый съ точки зрѣнія міра, дѣйствительно никто не могъ бы привести благовиднаго возраженія; когда князь-

толстовецъ пытается возражать, что примѣръ этотъ искусственный, нарочно придуманный, хозяйка дома справедливо говоритъ ему «съ укоризной» — ай-ай, а генераль «иронически» — а-га-га. Въ самомъ дѣлѣ аналогичные примѣры безчисленны. Помню примѣръ, какъ будто нарочно для этого созданный. Я жилъ въ своей молодости въ одной толстовской колоніи, въ которой тѣ, кто считалъ себя послѣдователями Толстого, пытались по его учению организовать правильныя соціальныя отношенія, обходясь въ то же самое время безъ принужденія. Мужики сосѣдней деревни узнавъ, что новые хозяева злу не противятся, рѣшили этимъ воспользоваться; сначала одинъ болѣе предприимчивый и безстыдный, а за нимъ и остальные стали просить у нихъ того, что было имъ нужно; ободренные первымъ успѣхомъ, стали забирать все, что имъ нравилось, уже безъ позволенія; вводили со двора лошадей, уносили инструменты, телѣги, домашнюю утварь, рубили лѣсъ, снимали съ полей хлѣбъ. И когда несчастные толстовцы на эти акты насилія отвѣчали убѣжденіями и увѣщаніями, они смѣялись; вмѣстѣ съ ними смѣялись и всѣ; по дѣломъ дѣйствительно, это было смѣшно и мѣръ справедливо могъ зубоскалить. Вл. Соловьевъ былъ правъ.

Но съ другой стороны это банальное возраженіе показывало такое полное непониманіе Толстого, такую пропасть въ исходной точкѣ зрѣнія ученія его и міра, свидѣтельствовало о такомъ безнадежномъ разномысліи, что дальнѣйшій споръ на такой почвѣ былъ совершенно безплоденъ; князю только и оставалось, что махнуть рукой и сказать своему собесѣднику: «тысячу разъ я слыхалъ такой аргументъ». Когда Соловьевъ вкладывалъ эти слова въ уста князя, онъ, по французскому выраженію; — *ne sçoyait pas si bien dire*.

Міровоззрѣніе Толстого нельзя дробить по частямъ, нельзя выхватывать изъ него одну мысль, не считаясь съ точкой зрѣнія, которая ее породила; нельзя представлять жизнь по ученію міра, по взглядамъ міра и его оцѣнкѣ вещей и эту жизнь по ученію міра защищать толстовскими принципами непротивленія.

Вл. Соловьевъ не понималъ или не хотѣлъ понять, что тѣ блага, которыя нельзя защищать безъ насилія, что эти блага съ точки зрѣнія Толстого, сами по себѣ вовсе не блага.

Если мы считаемъ собственность благомъ необходи-

мымъ для устройства нашей личной жизни или для общественаго порядка (а мы всё такъ на это глядимъ и разнимся между собой только въ деталяхъ; сами толстовцы, устраивая для себя земледѣльческія колоніи, стояли на той же мірской точкѣ зрѣнія); если мы собственностью дорожимъ, мы ее не можемъ уступать безъ сопротивленія тому, кто будетъ ее отнимать. Мы не можемъ не противиться этому злу; точно также мы не можемъ послѣдовать и завѣту Христа, отдать кафтанъ, когда просятъ рубашку; мы не можемъ исполнить и его главной заповѣди раздать всю собственность нищимъ. Какъ завѣты Христа, такъ и ученіе Толстого въ этомъ случаѣ равно непримѣнимы; въ условіяхъ жизни міра въ нихъ нѣтъ спасенія, а одинъ безпорядокъ. Но если считать вмѣстѣ съ Толстымъ, что собственность есть зло, ибо насъ отдаляетъ отъ міра, препятствуетъ единенію съ нимъ, мѣшаетъ превращенію личной жизни въ жизнь общую, если быть согласнымъ съ Толстымъ, который несмотря на владѣніе собственностью, а можетъ быть именно благодаря этому владѣнію, считалъ жизнь безсмыслицей и искалъ отъ нея спасенія въ смерти, — если мы съ нимъ въ этомъ согласны, то будетъ ли что-нибудь странное въ проповѣди непротівленія, т. е. въ добровольной отдачѣ этой постылой собственности тому, кто ее только захочетъ?

Возьмемъ другія блага и цѣнности; Христось велитъ подставлять лѣвую щеку тому, кто ударилъ по правой. Если я способенъ страдать отъ обиды мнѣ нанесенной, то подобный отвѣтъ на обиду для меня невозможенъ; и міръ не напрасно защищаетъ себя отъ обидъ другими приемами. Но если я могу подняться до той высоты, на которую зоветъ насъ Христось, если я буду не страдать отъ обиды, а искренно жалѣть того несчастнаго, которому причиненіе мнѣ обиды можетъ доставлять удовольствіе, если я, какъ Христось, буду молиться за тѣхъ слѣпыхъ и неразумныхъ, кто меня обижаетъ, если я понимаю безсмыслицу ихъ глупой забавы, будетъ ли для меня странна и ужасна заповѣдь непротівленія?

Возьмемъ главное благо-жизнь; ее всё оберегаютъ. Но если подобно Толстому, понять безсмысленность жизни, если подобно ему, въ моментъ обладанія всіми благами жизни, добровольно искать отъ нея спасенія въ смерти, будетъ ли странно, что для продленія этой безсмысленной жизни мы не станемъ прибѣгать къ насилію надъ други-

ми? Историки рассказываютъ, что въ древнемъ Римѣ, въ эпоху гоненія христіанамъ давали въ руки оружіе, чтобы они боролись другъ съ другомъ, защищали себя противъ гладиаторовъ. Христіане бросали оружіе, не защищались. Древній міръ и негодовалъ и смѣялся надъ этою глупостью; онъ, казалось, былъ правъ. Но когда мы понимаемъ теперь ихъ мотивы и ихъ настроеніе, кажется ли намъ смѣшнымъ, что они не хотѣли на потѣху толпы, насиліемъ надъ, другими протянуть свою жизнь до слѣдующаго представленія въ циркѣ?

Всѣ подобныя возраженія бьютъ мимо цѣли. Ученія Толстого они не касаются. Того, кто принимаетъ его исходную точку, такими доводами нельзя сбить съ позиціи. Если на его точку зрѣнія стать, логически приходится принять все остальное; возраженія противъ Толстого должны поэтому направляться не противъ выводовъ, а противъ исходной точки зрѣнія.

Но эта точка зрѣнія была настолько міру чужда, что міръ ея и не понималъ. Міръ, который творитъ мірскія блага и ихъ цѣнить, создалъ культуру и ею дорожить, придумалъ государство, чтобы его защищать и внѣ его жизни не понимаетъ, этотъ міръ на ученіе о непротивленіи смотрѣлъ какъ на парадоксъ, на чудачество, къ которому нельзя относиться серьезно.

Ученіе Толстого, съ его непротивленіемъ злу и съ его пренебреженіемъ къ мірскимъ благамъ, было такъ чуждо міру, что ему не показалось даже опаснымъ; міръ бралъ изъ него то, что ему въ немъ понравилось, каждый по свосму вкусу и усмотрѣнію, пренебрегая всѣмъ остальнымъ.

Одни усмотрѣли въ этомъ ученіи только обличеніе богатыхъ, счастливыхъ и сильныхъ и не задаваясь вопросомъ, почему Толстой ихъ обличалъ, зачислили его въ разрядъ революціонеровъ. И мы получили тотъ парадоксъ, что не только большевики его покрыли почетомъ, который столько бы его возмутилъ, но и другіе стали въ немъ видѣть отца Революціи. Другіе въ непротивленіи злу справедливо увидали отрицаніе революціонныхъ насилій и стали во имя Толстого осуждать революціи, защищая существующій строй. Третьи и тоже вполне справедливо замѣтили въ Толстомъ равнодушіе къ политической дѣятельности, къ измѣненію государственныхъ формъ, признаніе ихъ равноцѣнности и стали авторите-

томъ Толстого осуждать всякую надежду принести человечеству благо на пути политической дѣятельности. Четвертые обратили вниманіе на его борьбу съ Церковью, съ церковнымъ ученіемъ и не понимая, что Толстой есть религіозная натура *par excellence*, что несмотря на невѣріе онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь сдѣлалъ для возрожденія религіознаго чувства, стали видѣть въ немъ врага всѣхъ религій; наконецъ послѣдніе не замѣтили ничего, кромѣ внѣшности, перемѣны костюма, пици и языка и создали ту особую разновидность «толстовцевъ», которую Вл. Соловьевъ осмѣялъ въ лицѣ «князя».

Все, что міръ извлекъ изъ Толстого, было очень ново, было давно всѣмъ знакомо и даже испытано; оно не могло бы поэтому ни въ комъ вызвать ни одушевленія, ни энтузіазма. Почему же ученіе Толстого, за которымъ никто не пошелъ и которое такъ мало поняли, все же до такой степени міръ потрясло? И почему міръ, не идя за этимъ ученіемъ, все-же поклонился учителю? Отвѣтъ на это я постараюсь дать, когда буду говорить о жизни Толстого.

II.

Въ этой части доклада «о жизни Толстого» я не собираюсь рассказывать его біографію; я хочу только показать, какъ его ученіе отразилось на жизни. И здѣсь одно сомнѣніе. Общеизвѣстно, что у самого Толстого жизнь расходилась съ ученіемъ. Можетъ казаться, что въ день его поминанія этого щекотливаго вопроса лучше не трогать. Я думаю наоборотъ, что именно уваженіе къ его памяти заставляетъ поставить этотъ вопросъ. Во-первыхъ, челоѣка такого размѣра никакая правда умалить не можетъ; во-вторыхъ, «противорѣчія» всегда цѣнны для пониманія; часто лучший способъ, чтобы понять, — постараться разгадать «противорѣчіе». А, наконецъ, въ данномъ случаѣ противорѣчія не укоръ его личности, объясняются не его малодушіемъ или слабостью, а свойствомъ ученія.

Слабое мѣсто ученія въ томъ, что свои личныя переживанія Толстой клалъ въ основу ученія для всего міра; а эти переживанія не всегда были свойственны міру; Толстой не похожъ на другихъ.

Кто не задумывался надъ перспективой смерти, не счи-

таль въ инныя минуты, что она жизнь превращаетъ въ бессмыслицу? Не спрашивалъ ли самъ Пушкинъ, зачѣмъ дана ему жизнь «даръ напрасный, даръ случайный»? Не называлъ ли ее Лермонтовъ «пустою и глупою шуткою»? Эти пессимистическіе мотивы всѣмъ вѣдомы; но кто дѣлалъ изъ нихъ тѣ выводы, что Толстой? Поддавшись другимъ впечатлѣніямъ жизни, Пушкинъ отъ своихъ словъ отрекся, объявилъ ихъ «изнѣженными звуками безумства, лѣни и страстей»; объяснялъ ихъ тѣмъ, что они родились, «въ часы забавъ и праздной скуки». А Толстой, переживъ то-же настроеніе, уже не могъ отъ него отдѣлаться и изломалъ всю свою жизнь, борясь съ этимъ чувствомъ.

Кто не умилялся завѣтамъ Христа, не поддавался очарованію его проповѣди? Но практическихъ выводовъ изъ этого никто не дѣлаетъ, и жизнь идетъ по мірскимъ пониманіямъ. Иное дѣло Толстой. Я не знаю для этого иллюстраціи болѣе красочной, какъ его письмо Александру III, по поводу царевубійцы 1-го марта. Можно быть безусловнымъ противникомъ смертной казни и не допускать ея ни для кого. Но Толстой сталъ молить Александра о полномъ прощеніи во имя Христа. Вотъ отрывокъ изъ его письма:

«Простите, воздайте добромъ за зло, и изъ сотенъ злодѣевъ десятки перейдутъ отъ дьявола къ Богу и у тысячъ, у миллионновъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ престола въ такую страшную для сына убитаго отца минуту.

«Государь! Если бы Вы сдѣлали это, позвали этихъ людей, дали бы имъ денегъ и устали ихъ куда-нибудь въ Америку и написали бы манифестъ со словами вверху: «а Я говорю: любите враговъ своихъ», не знаю, какъ другіе, но я, плохой вѣрнопопданный, былъ бы собакой, рабомъ Вашимъ...

«...Да что я говорю: «не знаю, что другіе». Знаю, какимъ бы потокомъ разлились бы по Россіи добро и любовь отъ этихъ словъ».

Тотъ, кто могъ такъ говорить и надѣяться на результатъ этой просьбы, очевидно, имѣлъ право вѣрить, что жизнь по Христовымъ завѣтамъ возможна. И Толстой въ это вѣрилъ; но люди не таковы; такой просьбы Толстого никто въ серьезъ не принялъ бы. Мірская психологія совершенно иная и потому среди обыкновенныхъ людей проповѣдь Толстого о непротивленіи являлась проповѣдью собственной гибели.

Толстой это понималъ, но это его не смущало; у него на это готовый отвѣтъ; онъ весь цѣликомъ въ его «Испо-

вѣди». Вѣдь ученіе Толстого вытекло изъ того, что въ мірской жизни нѣтъ ни смысла, ни радости; отъ этой жизни онъ хотѣлъ спастись самоубійствомъ. Если такъ, то какъ же перспектива возможной гибели могла его испугать? И Толстой ясно говоритъ въ своей «Вѣрѣ»:

«Если я одинъ среди міра людей, не исполняющихъ ученіе Христа, говорятъ обыкновенно, — стану исполнять его, буду отдавать те, что имѣю, буду подставлять шеку, не защищаясь, буду даже не соглашаться на то, чтобы идти присягать и воевать, меня оберутъ и если я не умру съ голода, меня избыкоютъ до смерти, и если не избыкоютъ, то посадятъ въ тюрьму или расстрѣляютъ, и я напраско погублю все счастье своей жизни и всю свою жизнь». («Въ чемъ моя Вѣра?»).

Такъ формулируетъ Толстой это обычное возраженіе и вполне послѣдовательно отвѣчаетъ на это:

«Христось предлагаетъ Свое ученіе о жизни, какъ спасеніе отъ той губительной жизни, которою живутъ люди, не слѣдуя Его ученію, и вдругъ я говорю, что я бы и радъ послѣдовать Его ученію, да мнѣ жалко погубить свою жизнь, Христось учитъ спасенію отъ погубительной жизни, а я жалѣю эту погубительную жизнь. Стало быть, я считаю эту свою жизнь вовсе не погубительной, считаю эту жизнь чѣмъ-то дѣйствительнымъ, мнѣ принадлежащимъ и хорошимъ».

Все это логично; въ этомъ пунктѣ Толстой неуязвимъ. Но міръ рассуждалъ не такъ; міръ дорожилъ жизнью, дорожилъ земными благами, не считалъ мірскую жизнь губительной; для него проповѣдь непротивленія была потому непонятна. Ученіе Толстого, логичное для него, съ его исходною точкою, для обыкновенныхъ людей не годилось; оно было ученіемъ не для міра сего.

Сближалось ли оно въ этомъ съ ученіемъ Христа? Христось тоже училъ, что его царство «не отъ міра сего». Но церковное пониманіе Христіанства дало ему другое царство. Это другое царство Толстой отрицалъ; онъ превратилъ Христово ученіе въ ученіе для міра сего, всѣмъ доступное, думалъ, что оно уже на землѣ дастъ людямъ счастье. Этимъ Толстой обезоружилъ себя передъ тѣми возраженіями противниковъ Христова ученія, на которыя Церковь имѣла отвѣтъ.

Христось погибъ на крестѣ; для Церкви это величественная картина христіанской мистики, тайна искупленія и воскресенія — побѣда добра. Для невѣрія смерть Христа

простая картина гибели за свои убѣжденія; она трогательна и поучительна, но это все же побѣда зла надъ добромъ.

Въ эпоху гоненій гибли послѣдователи Христа. Съ точки зрѣнія церковной это было тоже побѣдой, воскрешеніемъ людей въ вѣчную счастливую жизнь; съ точки зрѣнія невѣрія это побѣда зла и жестокости.

Преимущества ученія Церкви стали еще яснѣе тогда, когда ученіе Христа побѣдило и изъ революціоннаго ученія, за которое казнили, стало государственнымъ ученіемъ, на которомъ строился міръ. Оно стало тогда «ученіемъ міра сего» и его обычную судьбу унаслѣдовало.

Съ нимъ случилось то, что бываетъ всегда, когда оппозиція становится властью; новая власть пользуется тѣмъ, противъ чего въ свое время боролась. И христіанство использовало своихъ прежнихъ ъвраговъ — іудаизмъ, который создалъ теократію, и язычество, которое создало государство. Христіанство стало черезъ эти учрежденія міра принудительно осуществлять то, что въ его ученіи было совмѣстимо съ людскимъ общежитіемъ. Такъ открылось необъятное поле для исправленія существующей жизни ученіемъ Христа. Но это ученіе стало тогда сообразовываться со слабостями человѣческой природы, съ потребностями организованнаго общежитія и свой прежній характеръ утратило. Государство не могло строить жизни на непротивленіи злу, на подставленіи щеки обидчику и раздачѣ имѣній нищимъ. Христіанство не отказалось совершенно отъ этихъ завѣтовъ Христа; но стало толковать ихъ иначе. Эти завѣты превратились въ идеаль, который осуществляется жизнью не одного человѣка и не одного поколѣнія, а процессомъ исторіи. Практическая же земная жизнь общества стала строиться на другихъ основаніяхъ.

Какъ бы ни смотрѣть на официальное христіанство и на его отношеніе къ подлинному Христу, для невѣрія только такая интерпретація Христа была возможной. Она одна могла совмѣстить Христа съ практической жизнью, использовать его ученіе для мірской жизни, основанной на прежнихъ началахъ. И здѣсь любопытное противорѣчіе; только Церковь, видящая въ Христѣ Бога, вѣрующая въ загробную жизнь, въ возмездіе за гробомъ, только Церковь могла бы учить, что завѣты Христа подлежатъ немедленному и буквальному ис-

полненію. Только она могла обѣщаніемъ благъ за гробомъ примирить людей съ гибелью на этой землѣ; только она могла бы не смущаться тѣмъ, что буквальное исполненіе завѣтовъ Христа разрушаетъ жизнь на землѣ, государство, культуру, всякій внѣшній порядокъ. Но какъ разъ Церковь этого не сдѣлала; именно она сообразовалась со свойствами и слабостями человѣка, она приспособила къ нимъ ученіе Христа, какъ приспособила то-же ученіе къ потребностямъ и условностямъ государственной жизни. А Толстой, который не считалъ Христа Богомъ, не вѣрилъ въ загробную жизнь и въ возмездіе, Толстой, который находилъ, что счастье должно быть непременно здѣсь на землѣ, Толстой ни съ обыкновенной человѣческой природой, ни съ потребностями разумнаго общежитія считаться не сталъ. Отнявъ у людей вѣру, которая одна могла бы ихъ примирить съ буквальныймъ исполненіемъ завѣтовъ Христа, онъ настаивалъ все-таки на безусловномъ принятіи ихъ.

Въ этомъ пунктѣ главное своеобразіе Толстого, но и его главная слабость, основное противорѣчіе; будучи невѣрующимъ, стоя на почвѣ невѣрія, Толстой проповѣдывалъ людямъ тѣ правила жизни, которыя можно оправдать только экзальтаціей вѣры.

Это основное противорѣчіе легко обнаружить на каждомъ шагу его жизни.

И я сразу перейду къ деликатному пункту, въ которомъ обыкновенно упрекаютъ Толстого; зачѣмъ онъ не раздалъ своего имѣнія нищимъ, не разстался съ семьей, не ушелъ изъ дому, какъ это сдѣлалъ передъ самой смертью? Этотъ пунктъ очень удобенъ для нападенія. Толстой самъ чувствовалъ, что, отдавъ имущество своей семьѣ, онъ сдѣлалъ не то, что ему сдѣлать хотѣлось. Если мы не поймемъ причинъ этого, мы не поймемъ и драмы Толстого. Если кто либо думаетъ, что Толстой такъ поступилъ изъ-за нежеланія разстаться съ имуществомъ, изъ-за того, что цѣнилъ свой комфортъ — спорить не стоитъ; тотъ, кто такъ объясняетъ Толстого, не пойметъ не только его, но и проблемы, которую онъ себѣ ставилъ.

Другіе критики Толстого вопросъ брали глубже; въ своей интересной книгѣ о Толстомъ и Дѣстоевскомъ Д. С. Мережковскій не обошелъ этого пункта; онъ недоумѣваетъ, какъ Толстой могъ отказаться отъ подвига, который стоялъ передъ нимъ:

«Мы знаемъ, какъ поступали въ такихъ-же точно случаяхъ христіанскіе подвижники прошлыхъ вѣковъ. Когда Пьетро Бернардоне, отецъ св. Франсиска Ассизскаго, подалъ епископу жалобу, обвиняя сына въ томъ, что онъ расточаетъ имѣніе, хочетъ раздать его бѣднымъ, Францискъ снялъ съ себя одежду до послѣдней рубашки, сложилъ платье вмѣстѣ съ деньгами къ ногамъ отца и ушелъ».

«Также поступалъ любимый русскимъ народомъ угодникъ, Алексѣй Божій человекъ, тайно бѣжавшій изъ родительскаго дома».

«Такъ вотъ, что должно было совершиться: великій писатель русской земли долженъ былъ сдѣлаться подвижникомъ русскаго народа — явленіе небывалое, единственное въ нашей культурѣ — снова найденный религиозный путь черезъ бездну, вырытую петровскимъ преобразованиемъ между нами и народомъ».

«Недаромъ взоры людей съ такою жадностью устремлены на него — не только на все, что онъ пишетъ, но еще гораздо болѣе на все, что онъ дѣлаетъ, на самую частную, внутреннюю, семейную и домашнюю жизнь его».

Эти примѣры можно было бы легко увеличить; цѣлая секта «бѣгуновъ» въ Россіи такъ рѣшала вопросъ. Но Мережковскій упустилъ изъ виду одно: въ этихъ случаяхъ мы всегда имѣемъ дѣло съ людьми, которые въ Христвѣ видѣли Бога. Требованіе раздачи имѣнія было для нихъ требованіемъ Бога; ему можно было не подчиняться, предпочтя послушанію земныя удобства; но съ этимъ требованіемъ нельзя было спорить, утверждать, что въ данномъ случаѣ оно непримѣнимо. Людямъ, которые отъ Бога получили велѣніе, нельзя разсуждать о послѣдствіяхъ своего послушанія. Пусть исполненіе Божьей воли причинило бы горе другимъ. Это не возраженіе; вѣдь сказали же Христы, что онъ принесъ на землю мечъ, а не миръ.

Иное дѣло съ Толстымъ. Для него раздача имѣнія была не велѣніемъ Бога, а разумнымъ ученіемъ, которое должно было принести съ собой счастье; это счастье заключалось въ объединеніи съ міромъ въ общемъ порывѣ добра. Съ точки зрѣнія Толстого раздачу имѣнія можно и должно было обсуждать по тѣмъ результатамъ, къ которымъ она приводила. Для него самого она стала душевной потребностью, должна была принести съ собой радость. Но самые близкіе люди, съ которыми онъ навѣки былъ связанъ, его жена (и мы знаемъ съ какой строгостью Толстой смотрѣлъ на нерасторжимость семьи) не за себя, а еще болѣе за малолѣтнихъ дѣтей, этой радости не раздѣлила; она огорчалась этимъ желаніемъ мужа, не признавала его и даже грозила противиться. Толстой ее

убѣждалъ, но напрасно. Онъ ее убѣдить не сумѣлъ. Несмотря на всю преданность и любовь, жена оставалась на почвѣ ученія міра. Что же было дѣлать Толстому? Использовать свой авторитетъ или даже свое формальное право? Толстой училъ, что цѣнно только то рѣшеніе, которое принимаютъ безъ принужденія. Когда его спрашивали, идти ли на военную службу, онъ всегда отвѣчалъ, что надо идти. Вѣдь если въ человѣкѣ есть сомнѣніе, значить, онъ еще не готовъ для этого подвига; не надо браться за тяжесть, которая не по силамъ. Тотъ, кто созрѣлъ для отказа отъ службы, спрашивать совѣта не станетъ. Но въ данномъ исключительномъ случаѣ все, что Толстой могъ сдѣлать въ смыслѣ вліянія, онъ сдѣлалъ, но жена все-таки не поддавалась, спорила съ нимъ, умоляла его. Толстой могъ пренебречь ея просьбами и настроеніемъ, воспользоваться юридическимъ правомъ собственника, тѣмъ, что нашъ законъ дѣтскихъ правъ не охранялъ, — и съ помощью государства отнять у нихъ имущество. Но результаты этого шага были бы обратны тому, чего Толстой отъ него ждалъ; вмѣсто добра онъ вызвалъ бы злыя чувства въ людяхъ наиболѣе близкихъ, разошелся бы съ ними.

Успокоить ли себя тѣмъ, что это зло окупилось бы съ другой стороны, что раздача имѣнія пробудила бы добрыя чувства въ массѣ другихъ людей, въ тѣхъ, кто получилъ бы это имущество? Рѣшить вопросъ по большинству голосовъ и заключить, что количество добра математически превысило бы количество зла?

Но вѣдь было не менѣе ясно, что этого добра быть не могло; радость, которую встрѣтило бы это рѣшеніе въ тѣхъ, кому бы досталось имущество, проистекла бы изъ чувствъ, которыя Толстой добромъ считать и не могъ. Это была бы не христіанская радость любви къ людямъ и сближенія съ ними; она была бы продиктована жадностью, корыстью, любовью къ собственности и житейскому благополучію. Она сопровождалась бы тѣмъ, что эти чувства обыкновенно рождаютъ: завистью, соревнованіемъ, досадою на тѣхъ, кто получилъ больше и лучше и т. п. Если несомнѣнно было бы зло въ лагерѣ близкихъ, не меньшее зло появилось бы и среди тѣхъ, съ кѣмъ Толстой хотѣлъ сблизиться. У Леонида Андреева въ Анаѳемѣ есть удивительная по глубинѣ картина того, къ чему въ практической жизни приводитъ раздача имѣнія нищимъ. Давидъ Лейзеръ, который это затѣялъ, вызвалъ въ

массахъ, которымъ онъ роздалъ имущество, такую злобу и ненависть, что былъ побитъ камнями.

Остановиться на полу-мѣрѣ и просто уйти? Полу-мѣра ничего бы не разрѣшила. Надъ имуществомъ Толстого была учреждена бы опека, все осталось бы по-прежнему, только подъ контролемъ государственной власти; раздачи имѣнія не произошло бы, и упреки, которые дѣлали Толстому, все равно остались бы въ силѣ.

Послѣ мучительныхъ колебаній, Толстой долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Онъ принялъ тотъ выходъ, за который его осуждали. Отъ собственности онъ освободился, но отдалъ имѣніе не міру, не нищимъ, а своей же семьѣ. Такое рѣшеніе ему радости не доставило; онъ сдѣлалъ не то, что хотѣлъ, не то, что было нужно. Онъ могъ огорчаться. Въ маленькомъ эпизодѣ обнаружилась вся слабость «ученія». Все казалось такъ ясно; собственность — зло и несчастье; только Церковь ложнымъ ученіемъ скрывала отъ людей разумность и радость истинныхъ завѣтовъ Христа. И, однако, несмотря на свой авторитетъ, на любовь къ нему жены, онъ въ этомъ даже еѣ убѣдить не сумѣлъ. Отказъ отъ имущества, который долженъ былъ пробудить во всѣхъ одну радость, сблизить его съ міромъ, вызвалъ и со стороны его близкихъ и въ мірѣ, который его наблюдалъ, досаду, осужденіе и злорадство. Построеніе Толстого терпѣло крушеніе; это было первымъ предостереженіемъ, которое реальная жизнь давала ему, первымъ случаемъ, въ которомъ Толстой оказался безсиленъ противъ ученія міра. Тотъ, кто въ этой «драмѣ» увидитъ вопросъ о комфортѣ, всей глубины ея не пойметъ.

Жизнь Толстого и въ дальнѣйшемъ была полна такихъ противорѣчій теоріи. Міръ ихъ не осуждалъ, такъ какъ въ нихъ невозможно было заподозрѣть личныхъ мотивовъ; но отъ этого противорѣчія меньше не стали. Я напому о нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ.

Кто не знаетъ роли Толстого въ духоборческомъ дѣлѣ? Старая секта, отрицавшая военную службу, — они были давно сосланы на Кавказъ; отказались отъ крайностей и жили тамъ благополучно и мирно. Подъ вліяніемъ случайныхъ событій у нихъ поднялась волна религіознаго чувства; они рѣшили вернуться ко всей строгости вѣры отцовъ и публично сожгли все оружіе. Власть отнеслась къ этому очень сурово. Чтобы предотвратить опасный соблазнъ для другихъ, было поставлено выселить ихъ съ

насиженныхъ мѣсть и расселить по одиночкѣ въ отдаленныхъ уѣздахъ Кавказа. Имущества ихъ были проданы за безцѣнокъ, они сами всюду разсѣяны и самъ глава ихъ Веригинъ очутился въ Архангельскѣ.

Какъ долженъ былъ бы отнестись къ этому факту Толстой? Духоборы сдѣлали великое дѣло, исполнили завѣты Христа. Ихъ за это постигло несчастье; но развѣ съ точки зрѣнія Толстого это несчастье? Они потеряли имущество, разосланы въ новыя мѣста, словомъ потерпѣли за вѣру; но развѣ не въ этомъ видѣлъ истинное счастье Толстой? Казалось такъ, по теоріи; но Толстой былъ слишкомъ человекъ этого міра, слишкомъ понималъ его горести, чтобы успокоиться на такомъ рѣшеніи. Пусть духоборы страдаютъ по-мірски, мірскимъ призрачнымъ горемъ, но они все же страдаютъ; и со всей своей страстностью Толстой бросился имъ помогать. Ему пришлось противорѣчить теоріи, онъ это сдѣлалъ. Онъ рѣшилъ переселить русскихъ духоборовъ въ другую страну. Нужно было разрѣшеніе власти, Толстой добился его. Нужны были деньги, онъ ихъ собралъ. Онъ уже отказался отъ литературной собственности, но, несмотря на это продалъ Марксу свое «Воскресенье» и деньги отдалъ цѣликомъ духоборамъ.хлопоты его увѣнчались успѣхомъ; духоборы были перевезены въ Канаду, создали земельную русскую колонію въ ней. Но какой результатъ получился изъ этихъ стараній, съ точки зрѣнія его ученія? Вполнѣ отрицательный. Духоборы въ Канадѣ стали жить не по завѣтамъ Христа, а по рецептамъ буржуазнаго благополучія; колонія ихъ процвѣла. Старанія Толстого привели только къ тому, что онъ осуждалъ и чѣмъ пренебрегалъ. Но иронія судьбы пошла еще дальше; объ этомъ Толстой не узналъ; но я самъ это видѣлъ. Когда во время войны я проѣзжалъ черезъ Англію, мои знакомые англичане повезли меня посмотрѣть на свой госпиталь; мнѣ показали палату, гдѣ были русскіе добровольцы; отъ нихъ я узналъ, что это дѣти перевезенныхъ сюда духоборовъ, которые на великую войну пошли добровольцами. Вотъ результатъ хлопотъ Толстого мало сходный съ его ученіемъ, но за который Толстого никто не осудить.

Возьмемъ Толстого во время голода 91 г. Когда началась общественная дѣятельность по этому поводу, онъ ей не сочувствовалъ; все въ ней ему казалось фальшивымъ; в формы, въ которыхъ она выражалась—устройство у в е-

селеній для сбора денегъ; и дешевый пріемъ примирять совѣсть сытыхъ съ голодною смертію другихъ; сама соціальная сторона этой помощи — ложь филантропіи, претензія привилегированнаго меньшинства спасать придавленное имъ самимъ большинство. Толстой приготовилъ статью противъ общаго увлеченія. Въ это время близкій другъ Толстого Раевскій пригласилъ его посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ въ одномъ изъ наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ. Толстой поѣхалъ съ намѣреніемъ, котораго не скрывалъ, увидать подтвержденіе своихъ мыслей о помощи и въ этомъ смыслѣ дополнить статью. Но когда Толстой увидѣлъ на мѣстѣ, что тамъ происходитъ, его отношеніе къ дѣлу перевернулось: отъ своихъ взглядовъ онъ не отрекся; годомъ позже онъ снова ихъ повторилъ. Но его «теорія» не могла устоять передъ голосомъ жизни. Онъ не только не напечаталъ приготовленной статьи, но всѣ дѣла бросилъ, остался съ Расвскимъ, выступилъ съ воззваніемъ къ обществу и сталъ во главѣ самага грандіознаго почина общественной благотворительности. По своей привычкѣ дѣлать все самому, онъ объѣзжалъ деревни, переписывалъ вѣдоковъ, собиралъ деньги, распредѣлялъ порціи, словомъ сталъ дѣлать все, что только что осуждалъ по теоріи.

Оба дѣла, на которыя я сейчасъ указалъ, вели Толстого къ конфликту съ пріемами нашей государственной власти. Какъ извѣстно, Толстой былъ совершенно равнодушенъ къ государственнымъ формамъ. Съ точки зрѣнія высоты его идеала всѣ онѣ были одинаково дурны; всѣ основаны на насиліи. Чѣмъ насиліе было благообразнѣе, чѣмъ зло было менѣе явно, тѣмъ отрицательнѣй къ нему относился Толстой; недаромъ изъ всѣхъ видовъ государственной дѣятельности наибольшія нападки Толстого вызывала судебная дѣятельность; именно потому, что здѣсь зло наиболѣе скрыто. Я не разъ слышалъ отъ него, что самая либеральная республика ничѣмъ не лучше самодержавія. Но когда Толстой столкнулся съ реальностью, онъ не могъ не понять значенія относительнаго; не могъ не оцѣнить различія въ политическомъ строѣ. И онъ это выразилъ; на политическія темы онъ написалъ не только «Стыдно» и «Не могу молчать», гдѣ осуждалъ жестокости государственной власти, что было совершенно въ духѣ его ученія; онъ написалъ также и любопытный памфлетъ «Царю и его помощникамъ», въ которомъ говоритъ

о реформахъ, т. е. о томъ, что власть должна сдѣлать хорошаго. Правда эти реформы своеобразны, но сама мысль о нихъ есть уже примиреніе съ точки зрѣнія міра.

Самое характерное противорѣчіе у Толстого это его увлеченіе Генри Джорджемъ. Толстой давно самъ собою пришелъ къ отрицанію земельной собственности; недаромъ онъ такъ любилъ Руссо; когда онъ ознакомился съ идеями Г. Джорджа, построенными на томъ же началѣ, онъ пришелъ въ восторгъ. Ему казалось, что Джорджъ безповоротно разрѣшилъ задачу справедливаго общежитія. Онъ сдѣлался его яримъ пропагандистомъ, издавалъ его сочиненія, писалъ къ нимъ предисловія, всюду его проповѣдывалъ. Онъ не смущался тѣмъ, что ученіе Г. Джорджа есть ученіе государственное, что его нельзя осуществить внѣ государства и принужденія. Толстой не только ради этого теоретически мирился съ государственной властью. Онъ хотѣлъ провести эту реформу на практикѣ, при посредствѣ русской государственной власти. Въ эпоху Столыпина, т. е. въ тѣ самые годы, когда онъ писалъ «Не могу молчать», онъ обратился къ Столыпину съ просьбой провести проектъ Г. Джорджа. Столыпинъ его не послушалъ; у него были другіе аграрные идеалы. Но Толстой не складывалъ рукъ; несмотря на отрицательное отношеніе къ Государственной Думѣ, онъ рѣшился использовать Думу для этой же цѣли. И я помню, какъ въ наше послѣднее свиданье въ Москвѣ онъ ко мнѣ обратился съ просьбой внести въ Думу такой законопроектъ. Онъ снабдилъ меня книгами и на мои возраженія, что этихъ популярныхъ брошюръ недостаточно, что вопросъ слишкомъ серьезень, съ грустью замѣтилъ: «въ этихъ книгахъ все ясно, и если Вы захотите еще изучать, то съ мѣста не сдвинетесь».

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлалъ Толстой, достаточно вникнуть въ его послѣднее сочиненіе, въ «Воскресенье». Неклюдовъ это Толстой въ миниатюрѣ. Сходство идетъ очень далеко. Неклюдовъ на заключительныхъ страницахъ «Воскресенья» понялъ, въ чемъ состоитъ Христово ученіе; и какъ только онъ это понялъ, самая книга закрылась. «Съ этой ночи, пишетъ Толстой, началась для Неклюдова совсѣмъ новая жизнь... Чѣмъ кончится эта новая жизнь — покажетъ будущее». Будущее не показало, на этой фразѣ «Воскресенье» окончено. Такъ

и Толстой. Онъ бросилъ Ясную Поляну и ушелъ въ пространство въ поискахъ праведной жизни; но какъ только это онъ сдѣлалъ, такъ и умеръ, секрета своего не открывши. Но Неклюдовъ съ Толстымъ похожи не только въ концѣ; они схожи и въ тотъ переходный періодъ, когда у нихъ открылись глаза, когда не разставшись съ міромъ, который они научились уже осуждать, они еще по-мірски стараются помогать этому міру. Такъ дѣлалъ Неклюдовъ, когда онъ, по словамъ Фонарина, сталъ той воронкой, горлышкомъ, черезъ которую изливались страданія тюрьмы. Такимъ былъ и Толстой въ широкомъ масштабѣ для всей Россіи и для несчастныхъ и униженныхъ всего міра.

Было ли въ этомъ противорѣчіе? Да, конечно, въ теоріи было; нельзя совмѣстить отрицаніе государства и проповѣдь реформы по Г. Джорджу. Діалектически это противорѣчиво; одно исключаетъ другое. Но психологически это гармонично соединялось въ Толстомъ потому, что въ немъ — и въ этомъ его оригинальность — одновременно и съ равной силой звучали тѣ разныя струны, которыя въ человѣческой душѣ рѣдко звучатъ одновременно.

Толстой — я не говорю объ его исключительномъ геніи, какъ художника, — былъ типичнымъ человѣкомъ этого міра, которому его радости и огорченія были понятны; недаромъ онъ такъ умѣлъ ихъ описывать. Онъ остался такимъ до конца, когда казалось ихъ тщету, и ихъ преодолѣлъ. Это было видно и по борьбѣ, которую онъ продолжалъ съ ними вести и въ которой иногда они брали верхъ. Это было видно и по тому, какъ онъ относился къ другимъ. Онъ умѣлъ продолжать всѣмъ интересоваться, всѣмъ сочувствовать и все понимать; его не отталкивало въ людяхъ различіе интересовъ и вкусовъ; коробила въ нихъ только самоувѣренность, самовлюбленность и поза.

Такой человѣкъ не могъ отвернуться отъ міра; и Толстой всю жизнь былъ съ нимъ и работалъ для него. Въ первую годовщину смерти Толстого я читалъ въ Москвѣ докладъ подъ нѣсколькими претенціознымъ заглавіемъ «Толстой, какъ общественный дѣятель»; я хотѣлъ напомнить объ этой сторонѣ его жизни, которую литературная и философская дѣятельность заслонили отъ глазъ современниковъ. Собирая матеріалъ для доклада я былъ пораженъ его обиліемъ. Чего только въ этой области ни дѣлалъ Толстой! И міровой посредникъ, который сражал-

ся съ Тульскимъ дворянствомъ, и добровольный участникъ войны въ Севастополѣ, и практической сельскій хозяинъ, и педагогъ; создатель новаго педагогическаго направления, редакторъ спеціального журнала, проповѣдникъ букво - слагательнаго метода въ противовѣсъ фонетическому, организаторъ публичныхъ диспутовъ на эту тему, взволновавшій этимъ вопросомъ весь образованный міръ. Журналы того времени это свидѣтельствуютъ. Все это было еще раньше нашего поколѣнія. Уже на нашей памяти онъ берется за новыя дѣла, хотя бы за созданіе «народной литературы». Вѣдь это онъ внесъ цѣлый переворотъ въ эту область. И какъ онъ работалъ! Все дѣлалъ самъ. Самъ учить въ школѣ, самъ работаетъ надъ букварями, сочиняетъ правила ариѳметики, доводитъ себя до переутомленія и это въ то время, когда на столѣ у него лежитъ «Анна Каренина». И тогда ему говорили, какъ потомъ говорили всю его жизнь, когда онъ сталъ работать надъ богословскими сочиненіями, или кормить голодающихъ, что это не его дѣло, что онъ изъ-за этихъ пустяковъ, которыми могли бы заниматься другіе, губить себя, свой талантъ, свое время. А онъ этихъ уговоровъ не слушалъ и работалъ, поскольку хватало въ немъ силъ. Можно безъ всякой ироніи приклеить къ Толстому ярлыкъ «общественнаго дѣятеля»; онъ имъ дѣйствительно былъ; и того, что онъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ, хватило бы не на одного человѣка.

Но житейская суета не заглушала въ немъ другихъ интересовъ, а главное его углубленнаго пониманія рокового вопроса, за чѣмъ онъ живетъ. Намъ объ этомъ просто некогда думать. А Толстой безъ отвѣта на это жить не умѣлъ. Какъ интересъ къ мірскимъ заботамъ въ немъ не ослабѣлъ, когда религіозная проблема казалось всецѣло имъ овладѣла, такъ эта проблема присуща была ему и въ тѣ ранніе годы, когда севастопольскимъ офицеромъ онъ велъ боевую, страдную жизнь, а въ минуты бездѣлія проигрывалъ въ карты всѣ деньги. Когда Толстой получилъ отъ міра все, что міръ могъ ему дать, а можетъ быть именно потому, что онъ уже все ему далъ, Толстому стало до очевидности ясно, что счастье не въ этомъ, что его жизнь есть безсмыслица и, что жить такъ онъ больше не можетъ.

Онъ не считалъ себя лучше другихъ и потому свою душевную драму не могъ считать личной; ему казалось, что

всѣ должны будутъ думать какъ онъ; и такъ какъ онъ всегда старался людямъ помочь, онъ понесъ имъ на помощь и свои переживанія. Міръ ихъ не раздѣлилъ и за выводами его не пошелъ. Толстой не сумѣлъ его убѣдить, что жить по земному не стоитъ, что земныя радости самообманъ; но Толстой не возненавидѣлъ міра за это непониманіе, не отвернулся отъ него съ высокоумнымъ сознаниемъ своего превосходства; онъ продолжалъ служить этому міру всякій разъ, когда могъ; служить такъ, какъ хотѣлъ этого міръ. Когда у него просили хлѣба, онъ не протягивалъ камня; когда духоборы страдали отъ разоренія, онъ не утѣшалъ ихъ учениемъ о преимуществѣ нищеты. Онъ твердилъ людямъ, что они ошибаются, что они не понимаютъ, что дѣлаютъ, что они непременно убѣдятся, что счастье не въ томъ, въ чемъ они его видятъ, но пока этого они еще не поняли, онъ все же по-мірскому имъ помогалъ. И то, въ чемъ мы склонны теперь видѣть противорѣчіе была высшая цѣльность; если была измѣна доктринѣ, то сохранялась вѣрность характеру. Въ своихъ построеніяхъ, когда Толстой старается увѣрить людей въ бессмысленности личнаго счастья, онъ могъ быть неубѣдителенъ. Надо вспомнить слова въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ»: «Жадная и ничтожная пружина моральной дѣятельности», говоритъ онъ «умъ человѣка». Но вѣдь эта пружина въ окончательномъ выводѣ приводила его къ той моральной позиціи, съ которой онъ никогда не сходилъ; логически сложнымъ и спорнымъ путемъ она его возвращала къ тому же служенію людямъ, которое онъ по моральному характеру своему осуществлялъ въ теченіе всей своей жизни.

Если своеобразное ученіе Толстого гармонически сливается съ его своеобразной личностью, то почему это ученіе произвело такое впечатлѣніе на міръ на Толстого непохожий и съ нимъ несогласный? Потому, что хотя для міра это ученіе было ново и неожиданно, оно въ то-же время затронуло въ душѣ каждаго очень старыя и знакомыя, хотя и заглушія струны.

19-ый вѣкъ — вѣкъ неслыханнаго расцвѣта опытныхъ знаній и матеріальной культуры. Казалось, если не ставить наукъ ненужныхъ вопросовъ — за чѣмъ живетъ человѣкъ, — она все можетъ. Среди успѣховъ науки и техники вопросъ о смыслѣ жизни былъ отброшенъ какъ пустой и ненужный. Міръ въ немъ не нуждался и имъ не

смущался. Если религія допускалась, то только во имя свободы человѣческихъ мнѣній. Позитивизмъ овладѣлъ всѣми умами. И въ это время появился Толстой. Самъ невѣрующій, рационалистъ по образу мыслей, человѣкъ, которому всѣ достиженія культуры были доступны, Толстой объявилъ міру, что жить безъ смысла жизни нельзя, и что наука этого смысла не открываетъ; что міръ, нагромождая богатства и знанія, не заботится о томъ, что единственно важно и нужно. Это было ново, и въ то же время такъ старо. Въдь именно эти вопросы лежали въ основѣ все прежней культуры, всѣхъ философій, всѣхъ религій, всего, чѣмъ прежде жилъ человѣческой умъ.

Отвѣта, который самъ Толстой далъ на эти вопросы, можно было не принимать, но важно, что онъ ихъ поставилъ, поставилъ со всѣмъ авторитетомъ любимца этого міра и передъ средой, которая интересоваться ими давно перестала. Этимъ Толстой, отлученный отъ церкви, зарытый безъ погребенія, болѣе сдѣлалъ для воскрешенія религіознаго интереса, чѣмъ кто бы то ни было. Религіи опасны не тѣ, кто ее отрицаетъ, кто преслѣдуетъ вѣрующіхъ, не надиси, что «религія опіумъ», не пропаганда «безбожія»; религіи опасно одно равнодушіе, отсутствіе интереса къ вопросамъ, которыми она занимается. А Толстой не могъ жить безъ отвѣта на эти вопросы; и какой бы отвѣтъ онъ на нихъ ни давалъ, онъ былъ настоящимъ религіознымъ учителемъ и задолго до войны будилъ во всемъ мірѣ религіозное чувство.

Въ 19 вѣкѣ возникъ еще одинъ кумиръ, — эатизмъ, культъ государственной власти; съ тѣхъ поръ какъ государство повсюду перестроилось на демократію, какъ всякій сталъ себя сознавать носителемъ государственнаго суверенитета, человечество стало думать, что государство все смѣетъ и все можетъ. Воля большинства стала признаваться волей народа, противъ которой нѣтъ ни къ кому аппеляціи. Всѣ проблемы — общественной жизни стали разрѣшаться исключительно на путяхъ принужденія, устройства и дѣятельности государственной власти; задачи, а потому и права ея неограниченны.

А Толстой сталъ учить, что принудительное осуществленіе справедливости есть зло само по себѣ, что самая государственная форма есть уже зло; что въ основѣ людскихъ отношеній должна быть не воля народа, —

а завѣты Христа, непротивленіе злу, самопожертвованіе, возданіе добромъ за причиненное зло; что только это даетъ смыслъ человѣческой жизни.

Міръ въ этомъ за Толстымъ не пошелъ и былъ правъ; на такихъ началахъ правильнаго общежитія построить нельзя. Но Толстовская проповѣдь опять задѣла мотивы, которые въ человѣческой душѣ истребить невозможно. Не только потому, что онъ, наконецъ, возвысилъ голосъ противъ бездушнаго всемогущества государственной власти, хотя бы и имѣющей за себя большинство среди населенія; его проповѣдь напомнила людямъ о самостоятельной силѣ добра. Конечно, было утопіей считать эту силу достаточной и потому упразднить государство. Исторія полна примѣровъ наглой побѣды зла надъ добромъ. Христось былъ казненъ при восторгахъ народа; христіане, носители Христовой любви на глазахъ у толпы травились въ циркахъ звѣрями; въ наше время большевики передъ лицомъ христіанскаго міра судили и убили кроткаго и смиреннаго Веніамина и были послѣ этого признаны законной властью Россіи. Все это было возможно; такъ будетъ и впредь. Но Толстой все же правъ, что въ добрыхъ началахъ души человѣка есть своя сила, которой нельзя пренебречь. Даже его личная жизнь была къ тому иллюстраціей. Развѣ не поразительно, что наша государственная власть Толстого не трогала, хотя онъ потрясалъ то, чѣмъ она дорожила, и тронъ и алтарь? Наше государство было сурово къ тѣмъ, кто его отрицалъ; почему же передъ Толстымъ оно отступило, и, несмотря на свое ученіе, онъ пользовался въ Россіи полной свободой? Конечно, можно сказать, что государство дорожило его геніальностью или боялось міроваго скандала. Этого объясненія еще недостаточно. Въ распоряженіи государства были не одинъ эшафотъ, тюрьма, или каторга; въ его рукахъ были культурныя мѣры «предупрежденія». И оно ихъ по отношенію къ Толстому не принимало. Я не могу сомнѣваться, что если бы Толстой отрицалъ нашъ государственный строй во имя другого, хотѣлъ замѣнить одну государственную форму другой, государство приняло бы мѣры противъ этихъ ученій. Но когда Толстой отрицалъ государство во имя Христовой любви, отрицалъ нашу Церковь во имя того же Христа, онъ дѣлалъ призывъ къ тѣмъ струнамъ въ душѣ человѣка, на которыхъ отвѣтить насиліемъ было нельзя. Я припоминаю

примѣръ изъ эпохи войны. Мнѣ пришлось защищать на военномъ судѣ въ процессѣ Толстовцевъ, которые обвинялись въ томъ, что выступили противъ войны. Среди нихъ не было геніевъ и міровыхъ знаменитостей; ихъ осужденіе никакого скандала не вызвало бы. Если бы они выступили противъ войны во имя Революціи, какъ позднѣе большевики, или чтобы облегчить побѣду врагу — ихъ не пощадили бы. Но они выступили — и это всѣмъ было ясно — противъ войны вообще во имя Христа, и военные судьи, самъ предсѣдатель, потерявшій сына въ этой войнѣ, ихъ оправдали. Міръ за Толстымъ не пошелъ, но за то радостно привѣтствовалъ въ этомъ ученіи призывъ къ тому, что было лучшаго въ душѣ человѣка.

Еще большее впечатлѣніе произвелъ на міръ самъ человѣкъ, который создалъ это ученіе; онъ былъ такъ непохожъ на типъ людей нашего вѣка. Всѣ мы въ жизни ищемъ похвалъ и успѣховъ; говорю это не въ порицательномъ смыслѣ; нисколько не дурно добиваться успѣховъ, т. е. достижений въ той области, которой свою жизнь посвящаешь; естественно, что человѣкъ науки добивается успѣховъ въ наукѣ, человѣкъ искусства — въ сферѣ искусства, политическій дѣятель желаетъ побѣды въ политикѣ. Также понятно, что человѣкъ, который стремится къ личному благу, въ этой области цѣнитъ успѣхи. Не удивительно, что люди чувствительны и къ похвалѣ; похвала уже есть доказательство нашихъ успѣховъ. Таковъ типъ людей нашего вѣка. Всѣ мы — спортсмены только въ различныхъ отрасляхъ жизни, и XIX-ый вѣкъ могъ бы быть названъ не только вѣкомъ опытныхъ знаній и матеріальной культуры, но и вѣкомъ спорта.

Совсѣмъ изъ другого матеріала былъ сдѣланъ Толстой. Онъ ли не имѣлъ въ этомъ мірѣ успѣха; ему ли не доставало похвалъ? Но и успѣхъ и похвалы — все онъ отвергъ. У него былъ иной стимулъ жизни и дѣятельности. Этотъ стимулъ давно намъ знакомъ; міръ инстинктомъ его разгадалъ; онъ увидѣлъ въ Толстомъ типъ человѣка, особенно родной и близкій намъ, русскимъ людямъ, — не даромъ Толстой родился и могъ быть только въ Россіи — типъ человѣка, который получилъ у насъ названіе Богоискателя, искателя праведной жизни.

Имъ Толстой былъ всегда во всей своей жизни, когда земныя страсти его одолевали и когда онъ ихъ побѣдилъ.

Если въ томъ, что мы называемъ «ученіемъ» это исканіе вылилось прямо, если онъ могъ говорить о немъ не намеками, то тѣ-же самые мотивы проходятъ черезъ всю его литературную дѣятельность, даже самую раннюю, видны повсюду. Недаромъ въ «Войнѣ и Мирѣ» эпоней, гдѣ онъ жилъ въ мирѣ героевъ и описывалъ міровыя событія, онъ не забылъ, а любовно отмѣтилъ того, кто въ своей простотѣ всѣхъ научилъ смыслу жизни, Платона. И символично, что прообразъ Толстого, Неклюдовъ, появляется на протяжении всѣхъ писаній Толстого, въ разныхъ формахъ и видахъ; Неклюдовъ,—пришедшій къ воспринятію Христовой Вѣры, — тотъ же Неклюдовъ, который въ деревнѣ старается по справедливости устроить отношенія съ мужиками, въ Швейцаріи донкихотствуетъ, заступаясь за бѣднаго музыканта и, разочаровавшись въ жизни, налагаетъ на себя руки въ провинціальномъ трактирѣ. Неклюдовъ не спортсменъ нашего вѣка: это — богоискатель. Имъ же, съ придачей великаго литературнаго генія, былъ и Толстой.

Въ своей «Исповѣди» онъ самъ въ этомъ признался; но не всѣ такъ его понимали. Его осуждали за гордыню ума, за то, что онъ вступилъ въ борьбу съ Церковью. Упрекали за самомнѣніе, за то, что онъ посмѣлъ «исправить» Евангеліе. Для тѣхъ, кто его зналъ, въ немъ не было личной гордыни; напротивъ, не могло не бросаться въ глаза его недовольство собой, вѣчное къ себѣ недоверіе, его трогательная застѣнчивость, нежеланіе блистать, даже неумѣніе играть первыя роли.

Оттого то неожиданное впечатлѣніе, которое онъ производилъ на другихъ. Какъ мало оно было похоже на то, чего мы, люди міра, ожидаемъ отъ великаго генія, отъ знаменитости, отъ учителя жизни! Оттого постоянная неудача и фальшь у тѣхъ рассказчиковъ, кто хотѣлъ бы поставить его на ходули. Въ Толстомъ все было обыкновенно и просто. Тѣ сокровенныя мысли, которыми Толстой жилъ, онъ другимъ не навязывалъ, на показъ не выносилъ; не дѣлалъ ихъ предметомъ общаго разговора. Онъ берегъ ихъ только для тѣхъ, кому они могли быть такъ-же важны и дороги, какъ ему самому, кто интересовался ими, а не его личностью. Громкая слава Толстого, обаяніе его имени, заставляли всѣхъ глядѣть на него съ особымъ вниманіемъ, ловить каждое его слово. Но если бы могло случиться, что кто-нибудь его въ лицо бы не зналъ и сталъ

бы его со стороны наблюдать, онъ не догадался бы, кто передъ нимъ; онъ не могъ бы повѣрить, что этотъ простой и добрый старикъ, съ такимъ интересомъ прислушивающійся къ общему разговору, такъ слѣдящій за тѣмъ, что кругомъ него говорятъ, охотно входящій въ самые разнообразныя интересы, что это тотъ самый Толстой, котораго знаетъ весь миръ. Простота Толстого была такъ неожиданна, что многимъ казалась искусственной, дѣланной; она однажды оттолкнула П. И. Чайковскаго *). Чайковскій обидѣлся на Толстого за то, что онъ былъ слишкомъ простъ, увидѣлъ въ этомъ къ себѣ неприязнь. Для того, кто зналъ Толстого, понятно это разочарованіе, несоотвѣтствіе того, чего по обыкновенному мірскому шаблону отъ него ждалъ Чайковскій, съ тѣмъ, что онъ могъ найти у живого Толстого.

То исканіе Бога, на которое ушли душевныя силы Толстого, онъ переживалъ въ одиночку, наединѣ, ни передъ кѣмъ не позируя; люди, которые его наблюдали, видѣли только внѣшніе факты: опрощеніе, возвращеніе къ Церкви, не понимая откуда все это вышло. Но когда Толстой находилъ подъ собой почву и приходилъ къ опредѣленному выводу, скрывать его отъ другихъ онъ не могъ. Онъ не считалъ себя выше людей и не могъ повѣрить, чтобы то, что было ясно ему, могло быть неясно другому, чтобы мученія его совѣсти были незнакомы другимъ. Онъ любилъ Андерсеновскую сказку о королѣ, который ходилъ голымъ потому, что никто не посмѣлъ на это ему указать; онъ считалъ себя тѣмъ простакомъ, который по наивности на это рѣшился и сказалъ вслухъ то, чего не смѣли сказать другіе. Но когда онъ думалъ, что правду увидѣлъ, скрыть ее отъ другихъ онъ уже не считалъ себя вправѣ. Тотъ, кто знаетъ, гдѣ бродъ, не можетъ не показать его тѣмъ, кто вокругъ него тонетъ. Не гордыня ума, не претензія быть учителемъ, а простое сознаніе своего долга быть полезнымъ другимъ, заставило его стать проповѣдникомъ.

И потому, что Толстой такъ смотрѣлъ на себя, эта его проповѣдь казалась ему столь естественнымъ дѣломъ, что онъ не видѣлъ въ ней никакой личной заслуги, Толстой такъ и умеръ не понявъ, чѣмъ онъ былъ для людей, въ частности для Россіи.

Въ Ясной Полянѣ мнѣ показали однажды подлинникъ

*) Біографія Толстого — П. И. Бирюкова.

того предсмертнаго письма Тургенева къ Толстому, въ которомъ находится извѣстная фраза: «другъ мой, великій писатель русской земли, вернитесь къ литературной дѣятельности». Помню это письмо на двухъ страничкахъ небольшого формата, карандашемъ, нетвердымъ почеркомъ и заключительныя слова передъ подписью: «не могу больше, усталъ». Но въ этомъ письмѣ меня поразила другая фраза Тургенева: «какъ я счастливъ, писалъ Тургеневъ Толстому, что былъ Вашимъ современникомъ». Тургеневъ былъ самъ знаменитостью, и это зналъ; самъ сдѣлалъ эпоху въ литературѣ и этого не забывалъ; не разъ съ Толстымъ ссорился и тѣмъ не менѣе передъ смертью, когда люди не лгутъ, такъ говорилъ о Толстомъ.

Этого Толстой не могъ понять до конца. Доказывать это я не берусь; но мнѣ хочется передать просто для иллюстраціи нѣкоторыя свои личныя воспоминанія, характерныя для того, какъ относились люди къ Толстому, и какъ онъ этого не понималъ.

Всѣмъ извѣстенъ красочный эпизодъ, какъ въ 90-хъ годахъ Толстой появился на Московскомъ съѣздѣ натуралистовъ. Я былъ въ курсъ того, какъ это вышло. Наканунѣ съ моимъ другомъ Цингеромъ, студентомъ, какъ и я самъ, мы были въ Хамовникахъ. Цингеръ разсказалъ Толстому, что на другой день на съѣздѣ его отецъ, знаменитый математикъ - профессоръ, будетъ дѣлать докладъ противъ Дарвина. Толстой не любилъ дарвинизма и интересовался докладомъ. И намъ пришла мысль провести Толстого на съѣздъ. Мы по наивности думали искренно, что будетъ возможно устроить такъ, чтобы объ этомъ никто не узналъ. Толстой согласился; мы дождались его у входа и провели по особенной лѣстницѣ въ ту круглую комнату Благороднаго Собранія, гдѣ сейчасъ происходитъ судъ на Донецкомъ процессѣ. Онъ пришелъ, когда засѣданіе уже было въ разгарѣ. Кромѣ нѣсколькихъ случайныхъ лицъ, никто прихода его не замѣтилъ. Его посадили за колонну, откуда никто его видѣть не могъ. Но уже черезъ нѣсколько минутъ вѣсть объ его присутствіи разнеслась по собранію; я пошелъ въ главную залу и навстрѣчу мнѣ бѣжали взволнованные люди, спрашивая, гдѣ же Толстой. Какъ мы ни увѣряли, что его здѣсь нѣтъ, никто не вѣрилъ. Въ большой залѣ Цингеръ читалъ свой докладъ, но никто его уже не слушалъ. Всѣ шептались, приподымались съ мѣстъ, кого-то искали глазами, потомъ

срывались со стульевъ и уходили. Стало ясно, что продолжать засѣданіе такъ невозможно. Президіумъ предположилъ, что, если Толстой покажется публикѣ, займетъ мѣсто за почетнымъ столомъ, всѣ успокоятся: Я издали видѣлъ эти переговоры съ Толстымъ, видѣлъ, какъ члены президіума куда-то спускались, кого-то упрашивали и, наконецъ, побѣдили: Толстой-поднялся изъ-за колонны и сѣлъ за столомъ: Тутъ все было кончено. Публика повскакала со своихъ мѣстъ, махала влатками, апплодировала и кричала. Никто о докладѣ не думалъ. Пришлось идти дальше. Толстого упростили встать и раскланяться съ публикой. Докладъ кое-какъ былъ дочитанъ и Толстой исчезъ. Я догналъ его на Волхонкѣ; когда я къ нему подошелъ, онъ, обыкновенно столь деликатный и никому не показывавшій неудовольствія, сказалъ мнѣ съ досадой: «это Вы все «подстроили» съ Цингеромъ».

Помню его въ Москвѣ, въ послѣдній прїѣздъ. Кому то изъ дѣтей или друзей пришла въ голову мысль повести его посмотрѣть на какую то интересную фильму; экспромтомъ мы поѣхали въ скромный синема на Арбатъ; незамѣтно сѣли въ заднихъ рядахъ и несмотря на то, что это было совершеннымъ сюрпризомъ и что въ залѣ было темно, всѣ узнали Толстого. И опять все было кончено. Публика не смотрѣла на фильму, а въ темнотѣ искала глазами его сѣдую бороду. Хозяинъ синема изъ уваженія къ великому гостю вмѣсто обычной фильмы, поставилъ другую парадную, столь бессмысленно-глупую, что было противно смотрѣть. Мы скоро ушли, и вся зала кинулась внизъ, окружила Толстого на улицѣ; помню по сию пору изступленный голосъ незнакомаго старика, который, схвативъ обѣими руками, руку Толстого, вопилъ на всю улицу: Левъ Николаевичъ, Левъ Николаевичъ!

А черезъ нѣсколько дней онъ уѣзжалъ изъ Москвы. Я пошелъ его проводить; объ отъѣздѣ сообщили газеты, и вся площадь передъ Курскимъ вокзаломъ была запружена народомъ. Толстой прїѣхалъ съ женой и дочерьми въ четырехмѣстной коляскѣ. Всѣ бросились къ ней и онъ могъ спастись только тѣмъ, что его провели на вокзалъ особымъ ходомъ. Толпа хлынула къ поѣзду, который стоялъ на путяхъ. Волна народа поднесла меня къ самому вагону, въ которомъ ѣхалъ Толстой. Я увидѣлъ, какъ опустилось окошко; Толстой просунулъ голову и шамкая старческимъ ртомъ, со слезами катившимися по блѣднымъ щекамъ, бла-

годарилъ «за сочувствіе, котораго, право, «не ожидалъ». Онъ не зналъ, что еще говорить и, замѣтивъ меня, съ облегченіемъ ко мнѣ обратился; онъ былъ доволенъ, что увидалъ знакомое лицо, и могъ больше не фигурировать передъ «публикой».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ Астаповѣ онъ говорилъ своимъ близкимъ. «Вы все собрались здѣсь для одного Льва, а ихъ въ Россіи милліоны». Онъ могъ такъ говорить и такъ думать; а міръ тѣмъ болѣе любилъ его, что онъ такъ думалъ. Міръ оцѣнилъ, что Толстой, имѣвшій все блага, которыя міръ можетъ дать, ими не соблазнился; міръ не могъ не быть тронутъ, что Толстой всему предпочелъ жизнь по Божьи; но еще болѣе онъ долженъ былъ быть пораженъ, что Толстой пришелъ къ завѣтамъ Христа не потому, что они были для него вѣлніемъ Бога, а потому, что находилъ ихъ разумной основой человѣческой жизни. Въ этомъ было нѣчто необычайное. Не считать Христа Богомъ, не вѣрить въ загробную жизнь, не вѣрить въ возмездіе и все-таки проповѣдывать эти завѣты, считать, что для человѣка радость заключается въ стреченіи отъ личнаго счастья, — въ жизни на благо другихъ, значило обнаруживать такую вѣру въ добро и доброту человѣка, которой не было ни у кого въ этомъ мірѣ. Міръ за Толстымъ не пошелъ и былъ правъ; его ученіе не для этого міра. Но слушая Толстовскую проповѣдь, міръ открывалъ въ самомъ себѣ тѣ добрыя чувства, которыя въ суетѣ жизни давно въ немъ уже заглохли; онъ самъ на это время становился лучше, чѣмъ обыкновенно бывалъ. Толстой не льстилъ ему, а будилъ его совѣсть и этимъ его до себя поднималъ. И пока былъ живъ Толстой, міръ видѣлъ въ немъ живого носителя вѣры въ добро и въ человѣка. Потому жизнь Толстого была ему такъ дорога; и 7 ноября, когда умеръ Толстой, міръ сталъ не тѣмъ, что былъ раньше. Что-то въ немъ погибло навѣки. А Россія, въ которой жилъ Толстой, и которую онъ ни на что не промѣнялъ бы, Россія, которую онъ любилъ больше всего, — Россія скромная; нищая и некультурная, которая не знала, какія бѣды ей еще предстоятъ, не предвидѣла, что ей скоро придется на собственномъ опытѣ извѣдать всю глубину человѣческой мерзости и людского равнодушія, — Россія инстинктомъ почувствовала, что въ день его смерти она потеряла заступника.